

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Вагим
ДЕНИСОВ

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ
ВЗРЫВ

День G

Вадим Денисов
Генетический взрыв

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Денисов В. В.

Генетический взрыв / В. В. Денисов — «Эксмо», 2016 — (День
G)

ISBN 978-5-699-89304-1

Приключения бывшего спецназовца Игоря Залётина, известного как Гарик Енисейский, продолжаются! Земная цивилизация разрушена «генетическим штормом». Выжил очень незначительный процент населения. Группой из нескольких общин, обитающих в районе Адлера и Центрального Сочи, взялся руководить Гарик. Он всегда начеку, не расстается с верным «АКС-74У», жалеет, что не хватает времени на чтение, и люто ненавидит пришельцев, вторгшихся на нашу вымирающую планету. И хотя общины постоянно терроризируют бандитские группировки, инопланетяне-гугонцы гораздо страшнее любых бандитов. Однако и на них управа найдется...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89304-1

© Денисов В. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вадим Денисов

Генетический взрыв

© Денисов В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Часть первая

Игорь Залетин, он же Гарик Енисейский, руководитель группы общин Адлера и Центрального Сочи, человек с мандатом

Глава 1

От дальних берегов

Книжку эту я, помню, чуть не подрезал в адлерском «Читай-Городе», что на Ленина, еще до экспедиции в Крым.

Хотя... что теперь подрезать, бери что хочешь, все вокруг народное. Зашел чисто по делу, мне справочник был нужен хороший. По собакам. Не вру! Внимательно оглядевшись на перекрестке, я медленно подвел «Диско» к бетонной винтовой лестнице, стараясь спрятать в ее тень хотя бы часть машины. Улица была пуста. Под зацепами гудричевской резины противно хрустели осколки стекла. Везде одно и то же. Окна-то зачем бить?

НЛО, мы так и продолжаем называть летающие тарелки этой привычной аббревиатурой, поблизости не было. Глядя в безоблачные небеса, я поправил на груди АКС74У, «ксюху», «уко-рот», складной укороченный автомат Калашникова, подумал, прислушиваясь по привычке к собственной чуйке: что она скажет? Та как-то недружественно пожала плечами, мол, рискни, если хочешь, и я поднялся по ступенькам в пустой зал второго этажа, на удивление оставшийся все таким же аккуратненьким, чистеньким, как было и в прошлой, нормально-коммерческой жизни. Не отмародерили люди резвые книжный магазин сразу после Катастрофы, незаслуженно обошли вниманием. А зря, знание – сила.

Мало читали в последнее время. Все больше в социальных сетях сидели. Вот и досиделись, блин.

Дежурно бросил в сумрак «Здрасьте», никто не ответил. Двигаясь осторожно, почтительно, как в храме, я обогнул дизайнерский фанерный кубик с пыльными новинками-хитами, затем, медленно ступая между стеллажами, машинально остановился возле стендов с фантастикой – рефлекс, ну как же! Смотрю – Джордж Мартин стоит рядком, чувак культовый, как всем известно, я его книгами упивался в свое время. Пригляделся, а именно эту, крайнюю – опаньки, – и не читал! С опаской повернулся, чтобы чего не свернуть, плечи у меня широкие, я всегда боялся в книжных магазинах оказаться слоном в посудной лавке. Странно, вот в водочных никогда ничего подобного не испытывал.

Взял холодный томик в руки, коротко дунул на обрез, снося в сторону любовных романов серую пыль. «Дикие карты» – гм, точно, эту не читал, как же так? Опустив автомат под мышку, перевернул книгу и жадно уперся в развернутую подленькую аннотацию, из числа тех, после которых перед покупателем сразу вскрывается вся интрига, а потом, стоя же, начал глотать страницы через одну, пробуя текст на вкус.

Якорь! А как бы не зацепило!

Там же, прикиньте, против человечества применяется не что иное, как генетическое оружие! Инопланетянокое, вот что характерно! Меня аж затрясло.

Но почти сразу отпустило. Лажа какая-то...

Этот адский вирус вместо того, чтобы честно зажмурить девяносто девять процентов населения планеты Земля, что и является суровой правдой новой жизни в Постапокалипсисе, всех их там замутировал. Отморфировал.

Основная масса несчастных превратилась в каких-то сморщенных горбатых гоблинов, злобных гадостных тварей, которые боятся света и вообще – полная мерзость. Почти как наши черные. Хотя нет, черные реально опасны... Да и сморщенными их не назовешь, бойцы они хорошие. Да черт с ними, не об этом.

Зато некоторые удачливые хлопчики под воздействием авторской химозы Джорджа Мартина – ну, пара-тройка на соточку, не больше, – после воздействия генетического оружия реально поднялись, обернувшись сущими Суперменами. Видят сквозь гранитные скалы, из пасти выпускают огненные шары, с места вспрыгивают на двенадцатиэтажный дом, летают на гиперзвуке без форсажа, взглядом открывают двери ангаров и завязывают узлом стволы КПВТ.

Недовольно почмокав губами, я смачно хлопнул глянцевой обложкой и громко выматерился – в пустом помещении Храма Знаний это прозвучало не только жутковато, но и до безумия неприлично.

Что поделывать, существовала такая тенденция...

Давно мне эта тема покоя не дает.

Все кинофильмы и сериалы, книги и мультфильмы были буквально напичканы людьми или другими существами со сверхспособностями, которые им давались чаще всего с рождения. То есть на халяву. Реже – после какого-нибудь внешнего воздействия. Иногда эти способности надо было отколупнуть, и тогда в сценарии появлялся седовласый Гуру-колупатель, как правило, политически озабоченная скотина. Особые или сверхспособные вампиры и оборотни, волшебники и полуроботы могли делать в сюжете все, что угодно. От самого простого, типа демонстрации саблезубости конечностей, до передвижения континентов заклинаниями. Культура этой желанной сказочной особенности затмила собой все разумное, реальное. Это было хорошо заметно по детским играм. Да и взрослые почти поддались... Никто не хотел работать над собой.

Зачем впахивать и развиваться реально? Жди сверхспособностей! А если их совсем уж ноль вылез, то виноваты, естественно, родители; не повезло тебе с родителями, пацанчик, обругай их пискляво перед корешами и валяй в виртуал.

Вот там и сидели, в сладком виртуале, уровни аватаров повышали. Почти вся европейская цивилизация сидела. И упивалась сверхспособностями Героев, которые, конечно, спасут, если что. Упивалась, не глядя, даже время от времени, в окно.

Отмахнувшись от ненаучной фантастики, я быстро нашел и забрал сразу три собачьих справочника, или как их там, и направился к выходу, попутно все-таки задев тонкий проводочный стеллаж с детскими раскрасками – глянцевые обложки вспорхнули и веером разлеглись на сером плиточном полу.

– Черт!

Подхватив стеллаж, я кое-как поставил его на место, но, к стыду своему, разноцветные книжицы подбирать с пола не стал. Поднял лишь одну, на которую невольно наступил башмаком, мельком глянул и тут же скривился. «Биониклы»... Суперсущества с вымышленной вселенной. Пацанята из одной армянской семьи в общине постоянно играли в легио, собирая то трансформеров, то огромных боевых роботов, то этих самых биониклов. Чуть не свихнулись, до истерик, отец постоянно мотался бомбить крупный магазин детской игрушки. Я еще удивлялся, вспоминая, что раньше из легио строили домики всякие...

А теперь – суперсуществов. И веселая возня с мячом почти в каждом дворе отошла в глубокое прошлое, куда-то поближе к Куликовской битве.

Какой, к лешему, спорт? Единицы занимались им, дворы были пусты, дети даже в подъездах не тусили, предпочитая сидеть по домам перед мониторами. Нет, кто-то, конечно, все-таки увлекался страйкболом, а кто и практической стрельбой, охотники остались... Но все это – ничтожный процент. ГТО вроде бы начали возрождать на государственном уровне, но ничего толкового сделать не успели, народ оплыл, окислился. Да, качалки были, а что толку?

На поверку выяснилось, что средний выживший землянин в реальном бою с черными не может бегом сменить позицию, найти подходящее укрытие, сразу задыхается. Редкие страйкболисты и практические стрелки почему-то часто оказывались со слабыми ногами, плохой дышалкой, зато с пивными пузанами, какая тут динамика! Хоть инструкторами могли...

И ни у кого не оказалось сверхспособностей. Некому файрбол пустить.

А потом появились черные, и выяснилось, что и Героев среди нас нет, спасти планету некому.

Теперь поздно качаться, заниматься бегом и ходить на стрельбище.

Теперь нам выжить бы.

* * *

К трем часам дня я проезжал серпантины перевала, следующего после Лоо, потихоньку подкатывая к Уч-Дере – это небольшой поселок перед Дагомысом. И, раньше глухое, сейчас это место выглядело по-настоящему пугающе.

Настроение – мрачней куска антрацита.

Серпантины теперь всегда свободны, никаких тебе пробок паскудных. Все остановившиеся тут после Дня Г машины, выжившие давно, растолкали по обочинам, я и сам посылая сюда пару раз пару фронтальных погрузчиков, хотя после Дагомыса – не моя территория. Тут типа Дикие Земли, кто во что горазд...

Лишь кое-где в кустарнике белеют помятые бока автомобильных кузовов. Однако двигаться приходилось с осторожностью, не разгоняясь.

Безлюдный Лоо я почти весь пролетел на максимальной скорости, там трасса идет вдоль моря, по всему поселку, место равнинное, открытое, запросто можно нарваться на серьезные неприятности, например попасть под удар барражирующей тарелки.

Выжившие давно ушли отсюда.

А собак видел всего один раз. Стая, заметив мчавшийся в их сторону джип, бодренько развернулась и удрала в сторону гостиницы «Ватерлоо». Днем псы чаще всего отсыпаются, активизируются к вечеру. Ночью прилежно охотятся за черными. А те, в свою очередь, отстреливают собак, своих лютых врагов, стараются вожаков снести. Вожаки тут же поумнели и первыми в атаку не идут. Селекция и обучение в стаях происходят очень быстро. Совсем они одичали, запросто могут напасть на людей. Полноценного союза, объединения сил против внешнего агрессора не произошло. Сами по себе.

Сбоку шумело штормовое море.

Обзор перекрывал ряд низких зданий, но я хорошо представлял, как длинные штормовые волны разгоняются по мелко-галечному пляжу, дотягиваясь до эллингов, переоборудованных под примитивное курортное жилье... Все пляжи Сочи изуродованы зимними штормами. Обломки крыш торговых павильонов соседствуют с поваленными грибками, кабинками для переодевания и остатками выброшенных на берег лодок, приплывших неведомо откуда. Кое-где лежат на боку суда и покрупней. Все перемешано в неприятную на вид серую массу мусора.

Начало этого шторма я застал в море. Шел один, и это был мой первый самостоятельный поход на морском катере, то есть в одиночку. Гош пока остался в Крыму, дела...

Обратная поездка походила на бегство от ярости природы. Погода была сумрачная, уже по-осеннему неприветливая. Мелкие поначалу и частые волны, рожденные усиливающимся западным ветром, заставляли корпус судна мерно, с противной стабильностью вздрагивать от ударов. Противные холодные брызги захлестывали палубу с двух сторон. Вроде бы и не сильно начало мотать, но я чуть не проблевался. Едва успел подскочить к Якорной щели и встать к причальной стенке, и тут началось! Федора на месте не оказалось, я уже тогда насторожился, при-

шло самому заводить генератор, стропить катер и тянуть его лебедкой в эллинг. Еле успел. Ну, хоть пулемет спокойно снял, в тепле.

В поселке остановился всего один раз, неожиданно заметив с левой стороны крошечный рыболовно-туристический магазинчик. Как-то пропустил, не замечал его раньше. Стеклопанная дверь, как водится, была раскоцана, но шмотки, упаковки и коробки перед входом не валялись – хороший признак. Качественно спрятать поблизости джип было негде, и я просто поставил его возле небольшой детской площадки в рядок брошенок, на авось.

Немного помародерил. Основной ассортимент магазинчика – рыбалка. Честная, законная, то есть китайские сети тут хрен найдешь. Сейчас это актуально, кстати, вся заморозка и свежак давно перегнили, на продуктовых складах остались только сублиматы, бакалея и разная консервация. Еще недавно мы успешно ловили рыбу с берега, но теперь это стало занятием рискованным – ты обозреваешь, порой до дрожи в коленках, требуется прикрытие и дорожка отхода, если что. Особенно на вечернем клеве, когда уже могут появиться черные. Тем не менее кое-что прихватил. Потом прошелся по одежде и обуви, примерил и забрал отличные меррелевские вибравы, дождевой комплект, по-настоящему непромокаемый, зелененький, глянул на китайские ножики и примитивные по большей части радиостанции. Не согрело. А! Биноколь притырил отличный, в запас. И большущую подозрительную трубу, оптика всегда нужна. Быстро закидал все это в багажник и рванул дальше.

Потом стало легче, Батумское шоссе надежно спряталось в бесконечной тенистой аллее, потрескавшийся от жары и дождей асфальт заботливо укрыли огромные вязы, сосны, былинные горные дубы и лысые платаны. По идее, на кораблях пришельцев, особенно на боевых, должны стоять какие-то вспомогательные системы, сканирующие подстилающую поверхность на любое движение и которым ветвистые кроны не помеха. Тепловизоры, в конце концов, ну, не знаю... Однако до сих пор как-то проносило, не замечают, сволочи. В чем тут дело, мне сказать трудно, нам еще ни разу не удавалось заполучить целый НЛО, аппараты пришельцев почти всегда самоуничтожаются, пусть и не полностью, но пульт управления разносит в пыль. Да и изучать обломки некому, ведь у нас не то чтобы специалистов, тупо нет простых работников. Любых, даже пильщиков дров.

Мало нас осталось, ох, мало...

Следующую остановку я сделал, ввиду назревшей физиологической необходимости, что-то прижало. На одном из широких поворотов, там, где растительность позволяла хоть чуть-чуть осматривать окрестности, вышел из машины и встал у обрыва скалы, спускающейся к пологой, уходящей вдаль и вниз равнине. У дальнего горизонта рваной стеной чернели горы Большого Кавказа, будто декоратором нарисованные на сереющей бумаге предвечернего неба. Здесь трасса придавливала небольшой ручеек, некогда цивилизованно заключенный в толстую отводную трубу. Закончив минимальную процедуру, я удовлетворенно хмыкнул, повертел головой, выискивая НЛО, и напряженно замер. Черт, в такие минуты начинаешь замечать, что флора в кавказских субтропиках вблизи особенная – разбойная, злая и мрачная. Могучие деревья и мертвая земля. Такой лес хорошо смотрится метров этак с пятидесяти. Из кабины. А как зайдешь...

Я стоял возле джипа, вслушиваясь в шорохи деревьев, и мне казалось, что сотни маленьких недобрых глаз наблюдают за каждым моим движением. Сейчас вот милый клест, которого мне хотелось пристрелить немедленно, взлетит и помчится докладывать черным о появлении объекта... Да ну тебя! Они ж тоже земляне! Не выдадут.

Итак, «Диско» двигался медленно, входя в повороты без крена, а я смотрел в оба глаза, не отвлекаясь. В любой момент из-за стены деревьев может выплыть лежащая поперек дорожного полотна коварная толстенная лесина. Коммунальных и дорожных служб больше нет, следить за магистралью некому, в дорожный департамент не пожалуешься. А тут подоспели затяжные осенние дожди с грозами, крепкие ветра, иногда с воды и смерчи налетают, в последнее время

они особенно часто стали зарождаться над мрачным Черным морем. Что-то неладное с погодой творится, истерия сплошная. Или мне кажется под настроение?

Неужели природа действительно таким вот образом радуется исчезновению вредной формы жизни под названием Человечество? Если так, то напрасно, дурочка, на смену людям такая зараза идет... Только держись! Миллион раз нас добрым словом вспомнишь. Так что, давай помогай, матушка.

В салоне «Дискавери» за задним сиденьем среди прочего необходимого в нынешних условиях выживальческого, а точнее – просто житейского скарба и всякой оружейки, лежит большая, как раз под мои неинтеллигентные лапы, бензопила. Зверь-машина, оранжевый монстр, мечта лесоруба. По статистике, я достаю ее разок на двадцать километров пути. И о чем это говорит?

Говорит о том, что на этом участке какое-то время никто не ездил.

А это значит, что и в Уч-Дере людей не осталось.

Ситуация аховая. Что случилось? От самой Якорной Щели я об этом думаю.

Не должно такого быть. Почти в каждом поселке вдоль магистрали были свои сообщества выживших, пусть крошечные, пусть всего лишь в пару напуганных семей. Куда люди-то делись? Убежали подальше от берега? И с нашими радиосвязи нет, даже с моря не смог пробиться. Чертовщина какая-то. И спросить не у кого.

Я высунул голову и сплюнул на асфальт.

Нормально, называется, съездил в Крым на месяц...

Мой косяк: нельзя было нам уезжать вместе с Егором Саниным, нельзя. Надо было или самому остаться, или оставить на хозяйстве Гоша. Ладно, потом буду разбираться, мне лишь бы до Адлера добраться. И отчего-то кажется, что простой предстоящая дорога не будет.

Начался участок с просветом, и я заметил, что на берег наползают мрачные грозовые тучи. Ну, елочки, опять дождик... Быстро темнело, я включил дальний свет.

За очередным поворотом дорога резко нырнула вниз к очень крутому тещиному языку, где почти напротив друг друга стояли навесы и скамьи автобусной остановки. Ага, сейчас будет съезд влево. Когда-то тут жила крепкая дружная община, у меня с ними были хорошие отношения, можно заглянуть. Ну?

Быстро принял решение. Джип соскочил с хорошего асфальта, сразу застучав колесами по выбоинам и провалам. Сюда огромные деньги, отпущенные на Олимпиаду и реформирование Большого Сочи, не дошли. Как сделали дорогу при СССР, так и оставили, на память.

Община обосновалась в пансионате «Пенаты». На ближнем отрезке всего два отеля – напротив пансионата стоит пустой «Турмалин». Там мне ловить нечего, община давно все отмародерила и прибрала. Учтывая, что поблизости нет магазинов, кроме крошечного маркета при «Пенатах», да и вообще с населенкой плохо, общмонали соседку капитально, до иголки.

Я бы здесь базироваться не стал. Но они – хозяйева, трудно бросить то, на что всю жизнь положил. Да и система была налажена, все знакомо, все контролируется. Объекты шли в следующем порядке: усадьба хозяев, вплотную примыкающая к территории пансионата, магазинчик между и собственно территория «Пенат».

Протянул чуть дальше, подкатив к въездным воротам пансионата. Они механизированы и распахиваются с пульта. Территория находилась за красивым кирпичным периметром, без электронного пропуска не пройти. Но сейчас двустворчатые кованые ворота распахнуты.

Большая зеленая территория с красными домиками-коттеджами, ранее очень уютная, выглядела плохо. Автомобилей внутри не видно, а обычно стоят не менее четырех единиц неподалеку, возле административного корпуса. В нос шибанул резкий запах гари. Большое кирпичное здание, стоящее в самом центре, сторело почти полностью. Сложно сказать, с воздуха ударили, снаряд ли шальной с моря прилетел, или дом просто спалили... Не выходя из

машины, я несколько раз посигналил, потом покричал. В ответ откуда-то из глубины территории недовольно, даже зло, мявкнул какой-то одичавший кот, над акациями поднялись птицы. Охоту сорвал.

– Хреново... – прокомментировал я вслух.

Медленно проехал внутрь, остановившись возле здания, на первом этаже которого находился офис. Дверь теперь открыта. Внутри никакого беспорядка, ничего не разграблено. Да и брать здесь нечего, кому нужны компьютеры и письменные столы? Детский бассейн заполнен дождевой водой и покрыт толстым слоем принесенных ветром листьев. К взрослому я уже не пошел.

Тут никто не живет. Разбираться в причинах и вести скоротечное следствие у меня не было ни малейшего желания. Да и время поджимало. Сдав назад, я развернулся напротив ворот усадьбы, на пробу осторожно ткнул их силовым бампером – листовое железо со скрипом петель подвинулось внутрь.

– Очень хреново, – уточнил я, подтягивая автомат поближе.

Чуть газку, и «Диско» въехал на свободный от застройки участок двора.

Запахов готовки нет. Звуков нет. Движения тоже.

Посидев минут семь и прислушиваясь к среде, я, наконец, выбрался наружу и сразу же пару раз присел, чтобы размять ноги, опасливо прислушиваясь, не щелкнут ли колени... Хорошо, не подводят пока суставы. Боюсь этого.

Чисто тут.

Пропали люди, мать его! Орать больше не стал – глупо.

– Хоть бы записочку какую на ворота присобачить... Что, влом было? И где вас теперь искать, Эльвира Захаровна?

Закрыв ворота, я решил пройти внутрь, имея шкурный интерес. Раньше по всему Сочи было навалом частных домов, каждый из которых имел свой сад-огород. Постепенно все эти «шесть соток» превращались в мини-гостиницы и доходные гостевые дома, участки объединялись и выкупались – грядки и яблони уступили место бассейнам, кафешкам и декоративным кустам. А вот именно в этом хозяйстве с посадками все было нормально, глядишь, чего и осталось. Раздвигая руками разросшийся виноградник, плотно обвивающий проволочный туннель, пролез глубже.

Хурма вся попадала и сгнила, яблоки – тоже. А вот на грядках кое-что имелось! Пробежавшись по двору, я нашел рулон больших мусорных мешков, быстро оторвал пару, расправил черный пластик и начал быстро набивать их поздними помидорами и огурцами. Свежачок!

– Вот будет зашибись, если именно сейчас объявятся хозяева и схватят меня за задницу... – подумал я вслух и тут же выпрямился, тревожно прислушиваясь. Черт, сам себя пугаю!

Ничего не побеспокоило огородного воришку.

– Рассчитаемся как-нибудь, если что, не обижу, – ворчливо молвил я, взваливая тяжелую ношу на плечи.

Багажник «Диско» легко принял новый груз. Напоследок я заглянул на летнюю кухню, осмотрел посуду. Немытая. Что-то сгнило, что-то ссохлось.

– А вот это мне конкретно не нравится.

Возле старенькой газовой плиты, чуть в стороне, валялись четыре стреляные гильзы двенадцатого калибра. А вот и еще две. Я поднял один красный цилиндр, повертел в руках. Из полости гильзы густо шел запах сгоревшего пороха.

– Так...

Машинально пригнувшись, я зашел за угол. Падла, да тут хорошо постреляли! Здесь в бетон зашла пуля из нарезняка, а это следы картечи. Но следов волочения и крови не было. Вот так. Жили себе, жили, им казалось, что все работает, а они все делают правильно... Зна-

чит, что-то сделали неправильно. Тут склеилась очередная кислая история, которая останется неразгаданной, скорее всего, навсегда. Надеюсь, люди успели уехать после какого-то тухлого инцидента.

Ладно, пора ехать дальше, если судьба решит, то еще свидимся с хозяевами. Может, Гарик, тебе так стоит заглянуть в магазинчик, а? Да не, наив, чего на пустые полки пялиться, мало их видел, что ли? Забравшись в джип, я решил проехать чуть дальше, до спуска к морю. Притормозил у соседнего отеля – а вдруг там кто-нибудь спрятался?

Отель небольшой. Слева и справа от здания автостоянки для гостей, на мой взгляд, стоянки неудобные, маловаты. Слева – две машины в гараже, их видно; еще одна, старенький «жигуленок», на улице. Справа от центрального входа размещен летний открытый зал кафе под гнутым пластиковым пологом, тут было уютно. Тихий спокойный отдых на любителя, точно не для меня. За «Турмалином» туризм в мирное время практически умирал. Дальше начинались пансионаты, выставленные на торги задолго до Катастрофы, а потому давно привычные к постапокалипсису. Я там проезжал вместе с Эльвирой, хозяйкой «Пенат», когда был у них в гостях, – знакомились, водочку пользовали, хорошо закусывали... Показывала дорогу к морю.

До пляжа отсюда, если пешком, топать минут десять-пятнадцать, под горку, обратно тяжеловато, особенно по жаре, перепад высоты в пятьдесят метров... Ужас. Пляж обычный. Некогда ухоженный, там были навесы совковые, душ, но после закрытия «Лучезарного» все пришло в негодность.

Если спустаться дальше, то чуть в стороне наполовину сгоревший пансионат «Мос-энерго», про который мне рассказывали жуткие истории, вплоть до явления ночами привидений, а берегом можно пройти к разрушенному комплексу «Аква-Лео», на него даже с моря смотреть страшно.

С Адлером контраст просто разительный. Разные страны, разные эпохи. Эх, потрачу пять минут, прокачусь вниз немного. Проход в «Лучезарный», через который шла основная пешеходная тропа к морю, после банкротства был закрыт, а после Катастрофы взломан. Да так лихо, что до сих пор блестящий замок остался висеть на одной дужке. Будка охранника зияет разбитыми окнами, со столба на меня пялился мутный зрачок древней видеокамеры.

И еще. Здесь не просто пустынно и уныло.

Здесь как-то беспокойно.

Нет, дальше не поеду. Не хочу к воде. Морем я за время путешествия в Крым, особенно на обратном пути, наелся на месяц вперед. Поторапливаться тебе надо, Гарик, пока ночь не настала. Ночью появятся черные, и одному будет совсем плохо, придется делать перерыв в движении и искать какой-нибудь схрон...

Развернувшись на пяточке, я погнал «Дискавери» в обратный путь.

Фактов дислокации поблизости других общин я не знаю, до самого Дагомыса никого больше не было. А сейчас?

...В Сочи белый цвет для машин – особый.

И дело тут даже не в том, что белый кузов меньше греется под палящим южным солнцем. Просто в свое время городская администрация приняла постановление, согласно которому такси в городе обязаны иметь исключительно такой окрас. Точка. Соответственно, человек, планирующий в случае необходимости получить лицензию и заняться извозом, приобретал себе белый седанчик – особенно были популярны «Киа Рио» – и катался на нем, периодически заключая договоры и уходя под крышу легальных фирм такси. Нацеплял шашечки, выполнял заказы, полученные от диспетчера, а в перерыве стоял в строго отведенных по районам доходных местах, ожидая возможной халявы, не все привыкли по телефону заказывать. Нелегально в Сочи не таксовали – себе дороже, зароят. Этот мягкий и такой милый для распаренных негой курортников город в бизнесе всегда был предельно жесток, как, впрочем, и везде на тесных югах, где все давно поделено, попилено и закрышевано.

Человек, разъезжающий на машине любого другого цвета, автоматически как бы давал понять остальным, что лично он извозом заниматься не намерен ни при каких обстоятельствах. Впрочем, у него могла в запасе стоять и беленькая... Но это редкость. У меня, кстати, «Дискавери» именно белого цвета, так ведь на таких автомобилях, естественно, никто и не таксовал.

Блестящий «Кайен», преграждающий мне выезд от «Пенат» на магистраль, был ярко-красного цвета. Перекрашенный, скорее всего, – вряд ли такие доходили до Сочи с конвейера. Во всяком случае, в официальном салоне «Порше», который открылся в Сочи неподалеку отсюда, я таких не видел, заезжал как-то ради интереса. Да и выпускались ли? Какой-нибудь богатый папик отвалил лавэ, чтобы сделать приятное своей жене или дочери. Может, любовнице. Хотя нет, последним в таких случаях авто красили в розовое.

Ну вот, что-то я все-таки чувствовал!

Остановившись в десятке метров, я, не покидая салон, пару раз вжал клаксон, потом высунул в форточку руку и нетерпеливо щелкнул в воздухе пальцами.

Водительская дверь «Кайена» медленно отплыла в сторону, и на ломаный асфальт опустилась нога в светло-бежевом берце.

– В чем проблема?! – крикнул я вперед, мельком посмотрев на наручные часы. Зараза, уже пять вечера!

На белый свет явился боевой лоб.

Лоб был настроен решительно и старательно корчил предельно наглую рожу.

На вид огольцу было лет двадцать. Да, примерно так. Нет, в общине «Пенат» я его решительно не видел. Откуда-то сбоку вылез тузик. Теперь мне было видно, что, кроме него, в авто никого нет.

Ну, вот что? Вот он, типичный бионикл.

Свежий кач хорошо видно. Какой-то заряд на культуризм он получил до бойни. Что-то поняв после Катастрофы, парень резко начал качаться, благо рост у него был вполне, почти с меня вымахал. Причем на анаболиках, запредельно. А что? Забил отлично оборудованную качалочку, рядом нашел магазинчик со спортивным питанием, которое хрен испортится, еще и химии нужной раздобыл. Начал с Джо Вейдера, потом нашел журнальчики всякие, быстро разъясняющие, что стероиды и тестостерон внешне в небольших дозах – только благо для настоящего качка и его кубиков на прессухе, а без качественного допинга вообще ничего добиться нельзя, и, имея какую-то методику, быстро пошел вширь.

Бугристые ноги юного бионикла были затянuty в тесный пустынный камуфляж, а впечатляющее тулово украшала блестящая майка в обличку, подрезанная где-нибудь в сочинском «Море Молле». Что же, рельеф выпячен эффектно... Мальчик, сколько же ты в себя влил, а?

– Ты че тут ездешь, мужик? – спросил он, заранее начиная пританцовывать бойцовским петухом и стараясь говорить громко, но хрипло, чтобы скрыть остатки ломающегося юношеского тембра. – Чо, язык проглотил? Я тебя спрашиваю! Прыжками из машины!

На поясе у бионикла висел второй ремень, широкий. По бокам – две рыжие кобуры с «наганами», чисто ковбой. Я так и не смог выяснить, откуда примерно с полгода назад взялось в районе столько старых револьверов? Вояки в свое время ничего мне не говорили о больших запасах... Расползлись эти «наганы» по щелям всяким. Опять их вижу. Достались дурачку. Два сразу.

– Это моя земля! Выползай!

Ну, что делать, когда такой бионикл просит, надо выползать.

Я не боюсь синтетических гераклов. Они прозрачны как стекло, особенно когда решают действовать в одиночку. Не первый раз встречаю. Умом не блещут, что подтверждается как неправильным выбором стратегии одиночного выживания, так и не совсем подходящими методиками подготовки.

Гораздо опасней невзрачные на вид умненькие очкарики, тощие телом и тихие голосом. Прошедшие жестокий отбор после Катастрофы и сумевшие зацепиться за жизнь, они способны на многое, а набранный выживальческий опыт в сочетании с гибким умом позволяет обманывать многих. Никогда не знаешь, что у таких бесенят в планах. Краем пубертатного периода я застал ревущие девяностые, по собственной дури вкруговую обложившись криминальными друзьями, и имел сомнительное счастье лично наблюдать, как на смену накачанным быкам пришли вот такие вот очкарики со снайперскими винтовками, решившие, что предыдущее поколение деловых пора задвинуть в угол. Сначала они как-то очень быстро отстреляли когорту наиболее опасных торпед, потом взялись за главарей, частенько работая по заказу, но все чаще и по собственному плану.

И они тут же спелись с ментами, образовав чрезвычайно устойчивый симбиоз, который махом перекрасил всю страну в красное, отправив крутую братву, не понявшую, откуда и куда дуют новые ветра, на вечную кичу. В итоге появилась такая мафия, о которой лидерам бригад прошлых лет можно было только мечтать.

Я тоже поставил ногу на землю, сбросил с сиденья задницу и медленно выпрямился во весь рост, будучи частично прикрытым дверью.

А запястья у него узкие... Просто не повезло с генетикой, не для культуризма конституция. И голова какая-то маленькая, личико совсем детское. Елки, да тебе двадцать-то есть ли? Куда ты полез, босота? Желая визуально выглядеть постарше, бионикл отрастил усики, переходящие в узкую бородку. Волосы у него черные, только поэтому что-то и заметно, настоящая щетина у парня пока не проклюнулась.

Увидев меня во всей красе, лоб несколько растерялся, напускная наглость начала быстро уплывать с рожи. Через секунду глаза его надежно остановились на большом кинжале, который я привычно передвинул на живот. Пивного пузыря у меня нет, даже без намеков, несмотря на возраст. «Стечкин» был в кобуре, он пока не нужен. Что, не ожидал? Волк оказался больше и страшней юного охотника.

Но парень пока держался.

– Зачем приехал? Что в машине?

– Выдохни, бионикл, – пробасил я, быстро оглядываясь. – И без бычья давай. Звать как? Он нервно передернул плечами и оскалил белые зубы:

– Бес!

– Бе-ес... Это люто. А имя-то свое настоящее скажешь, пацанчик? Тихо будь тут, не колыхайся. – С этими словами я выпростал правую руку из-за двери, легко подняв укорот, направил ствол ему в грудь и рявкнул:

– Имя!!!

– Леха... – выдохнул он и убрал руки от кобур. – Леша Вихницкий.

– Ну вот, нормальный ход. Ты че такой успешный, Алексей? На красном ездешь, как дурачок, на приличных людей кидаться, шлагбаумом работаешь. А на каждый шлагбаум находится свой грузовик.

Он чуть дернул правой рукой, и я тут же пальнул чуть выше его левого плеча. В асфальт стрелять не стал, еще срикошетит по ногам. Грохот отразился от бетонной стены ближайшего забора и растворился в кронах.

– Руки за голову.

Лоб подчинился. Я быстро подошел вплотную и скомандовал еще раз:

– Выдохни!

Он с шумом выпустил воздух, и я тут же всадил ему кулак пониже диафрагмы.

– Садись, садись, ну-ну... спокойно...

Пока пацан оседал, я успел вытащить оба револьвера и отнести их в свой джип.

Вернулся. Лоб, раскинув ноги, тяжело дышал, наклонив голову к земле.

– Знаешь, прошлым летом я бы тебя просто зарезал. Вообще без мысли, тупо пиканул бы, и все. Может, старею? Ты резко не дыши, носом старайся. А теперь вопрос: где хозяйева «Пенат» – твоих рук дело?

– Н-не знаю... – просипел ковбойский человек.

– Разговаривай.

– Я позавчера сюда приезжал, вечером... ох... – Ему было все еще больно. Ничего, пусть обрадуется, что я ему в башку кулак не всадил. Голову не накачаешь, головы у всех одинаковы. Почти.

– И что?

– Перестрелку услышал и смылся к себе.

– А сегодня?

– Утром приехал.

– «Пенаты» обыскивал?

– Да там брать нечего.

– Сиди и не шевелись.

Я поднялся с корточек и быстро осмотрел салон «Кайена». Ни гладкого, ни длинного нарезного оружия не было. Орел! А чего, биониклы и так справятся. Придурок.

– Ты где базируешься?

– В Лоо, – признался он тихо. Уже нормальным юношеским, если не мальчишеским голосом.

– Бомбишь магазины помаленьку?

Хлопнул его по спине. Бионикл кивнул два раза.

– Кто-то еще в Лоо есть?

– Никого больше, сам ищу.

Это для меня он – деталька от подсолнечника. А для простых людей такой бионикл может быть очень опасным, особенно для женщин. Дело молодое, тестостерон копится, а ума пока нет. И преподавать некому. Нахватает рабынь, натворит бед. Правда, одиноких женщин сейчас не встретишь. И все равно... Разбалуется, лютовать начнет. Говорю же, год назад я бы его просто дыранул, и нет проблемы! Ух, как меня заводило, особенно в первые месяцы! Самый кошмар, обыватель с ума сходит, а тут новые браточки щипать начинают. Вообще не разбирался, сразу зажмурился. Время шло, и я немного приутих, что ли, успокоился... Пару раз ломал пальцы на руках, чтобы бодрячок не мог оружие держать какое-то время.

Но сейчас не буду, за год я понял безусловную ценность человеческого капитала. Собачки за нас с этими черными сволочами не навоюются, тарелки с небес не снесут. Если валить, то в самом крайнем случае. Остальных надо перевоспитывать или принуждать. Да я просто Макаренко, зараза!

– Слушай в ухо, бионикл. Меня зовут Игорь Залетин. Или Гарик Енисейский, если так лучше запомнишь. Ты запомнил?

– Да...

– Я управляю центром и Адлером. Смотрящий, понятно? Значит, так. Убивать не буду. Запоминай инструктаж. В центр и в Адлер не суйся. Там, хоть и ядра чистый изумруд, но слуги белку стерегут.

– Какую белку? – вылупил он глаза.

– У тебя что по литературе было? – осведомился я нежно.

– Тройка.

– Ясно. В Дагомысе тоже не пиратствуй, там староста – зверь, на кол посадит так, что кончик из языка твоего выскочит... Сиди в своем Лоо ровно, ищи по округе людей, собирай общину. Захочешь жить по-человечески, влиться в общее дело – заедешь в Дагомыс и обозначишь старосте, я его предупреду. Тебя проверю через пару недель, учти. На хулиганку. Не

издевайся ни над кем, женщин не обижай. Иначе отравят тебя, дурака, или спицу в ухо вставят. Только лаской и с заботой... Качалку свою брось, займись бегом, массу сбрасывай. Ствол найди приличный, про свои револьверы забудь, это игры.

Теперь он слушал, открыв рот.

– И вот еще что. Эту красную трахому – на помойку. Как тебя только тарелки до сих пор не пожгли? Подбери что-то нормальное. Если запомнишь и выполнишь, поставлю тебя на Лоо официально. Нет – зарю торчком в грунт, а потом отрежу голову. И не коли себе ничего! Вообще ничего. Ты все понял, бионикл?

– Все... – Мне видно было, что Леха не знает, как именно обратиться, замер, чудом не произнес слово «дяденька».

– Гарик, – подсказал я.

– Все понял, Гарик.

– От и лады.

Я еще раз осмотрелся по сторонам.

Атас, шум поднят, запал произошел. Если не НЛО, то неизвестные к «Пенатам» могут пожаловать. Те, кто тут войнушку устроил. Сматываться нужно с этого места, и чем быстрее, тем лучше.

Задумчиво посмотрел на краснознаменный кроссовер бионикла. Хотел ему помочь, заставить пешочком пройтись. Выпустить троечку в капот – и конец гламурным мучениям... Так ведь нельзя теперь, я же дал парню шанс, негоже его пешим бросать после палева. Надо быть последовательным. Или резать сразу, или обращать в свою веру. Молодой, чистый лист, можно и написать что-нибудь правильное.

– Так, все, уезжаю. Ты через пять минут валишь в Лоо. Подожди! Там, в усадьбе, хозяйский «УАЗ» остался, он на ходу, знаю. Хорошая машина, заводи и пользуйся.

– А ключи? – молвил он на голубом глазу.

– Какие еще ключи, проводки замкни, и в путь.

– А какие проводки?

Тут уж я начал заводиться реально:

– Тебя хоть чему-то в школе учили, а? По литературе тройка, машину угнать не можешь! Ты тупой?! Когда учиться собираешься?

Леха заморгал глазами так, как это делают настоящие дети перед извержением потока горячих слез. Ну, бляшки-матрешки! Культурист...

Ясельки, надувной манеж.

– Хорошо, черт тебе в охрану, садись в свою. Но потом брось ее, понял? Не мерцай красками, веди себя без вызова. Такой цвет – это как мишень на лбу нарисовать, нарвешься. И кликух никаких не бери. Люди дадут.

– Все понял, Гарик, – еще раз сглотнул он, тяжело вставая. – А как же мои револьверы? Без них плохо будет.

Я задумался.

– Оставлю на следующей автобусной остановке внизу, на скамейке будут лежать. И сразу назад!

Амба, по машинам.

...Словно по замкнутому кругу ходим...

Только зачистим от беспредельщиков районы, как тут же новое бандитье лезет. Откуда берутся? Центр Большого Сочи их манит особо, магазинами и складами. Мирные люди в центре давно не живут, этот огромный массив просто невозможно контролировать до приемлемо безопасного уровня. Настоящий Темный Город. Да и эти самые черные любят там появляться, биониклов долбят.

Криминальная грязь по-прежнему всплывает и всплывает, а вот морская вода очистилась. Некому гадить. Все гадкое человеческое, что было в некогда курортном городе Сочи, давно стекло в Черное море, растворилось, разложилось и осело на дне. Правда, сейчас это не так заметно, часто штормит, идут дожди, бурные горные речки разлились почти во все свои бетонные русла, мутные потоки летят к морю. Значит, в горах вообще проливные... Страшны будут реки, пока природа не успокоится. Но зрелище, надо признать, завораживающее.

То и дело в просветах появлялись рваные шахматные доски дачных поселков, дорога, все еще закрытая густой аркой склоненных деревьев, неуклонно спускалась с перевала. Двигатель работал тихо, а посторонних звуков не было слышно вообще. В предгорной природе, там, где нет крутых склонов, водопадов и шумных горных ручьев, все происходит беззвучно. Да и смотреть на красоты здесь было бы некому, водители напряженно проходили серпантины, долго стояли в пробках, психовали... Не до красот. Возможно, что в этом и выражается рациональность главного творения Господа – его нежелание тратиться на ненужные эффекты в тех местах, где их никто не оценит.

На этом участке магистрали недавно прошел проливной дождь, асфальт блеснул.

Оставив оружие бионикла в оговоренном месте, на автобусной остановке санатория «Белые ночи», я уже было поехал дальше, но внимание привлекло зловещее серое здание недостроенного пансионата РЖД, отсюда его видно отлично. К северу от недостроя начинался лесной массив, а к востоку – жилая застройка. Культурного Уч-Дере, меня всегда забавляло это название.

Строительство бетонной громадины было остановлено в 1987 году из-за подмыва фундамента здания подземными течениями, вследствие чего оно дало крен, вблизи видимый невооруженным взглядом. Я до Катастрофы даже лениво подумывал наведаться сюда, люблю путешествовать по таким местам. Но не стал – объект наверняка охраняли.

Один раз остановился тут месяца три назад, немного разведал подходы. Пробраться на территорию можно с любой стороны, ворота упали, а в проволочном заборе есть несколько больших дыр. Территория забытого человеком пансионата похожа на дикий парк. Высокие деревья и кустарники, которые никто не вырубал и не стриг много лет, получили над участком абсолютную власть, хотя дорожки все еще отчетливо видны. Нашел несколько входов в огромное подвальное помещение, которое состоит из множества залов и комнат с обшарпанными стенами и капающим с потолка конденсатом. Дальше тогда не пошел, уехал, поняв, что здесь никто не поселится, нет смысла.

А здание реально наклонилось... Финансирование отрубили резко, все свернули, даже не озаботившись провести консервацию. С тех пор железнодорожники неоднократно пытались пансионат кому-нибудь впарить, однако желающих не находилось. Это сомнительное украшение стало достопримечательностью района, почти историческим объектом. Вообще-то место тут неплохое. До моря семьсот метров, рядом дорога федерального значения, трасса М27, есть подъездная дорога из бетонных плит.

Шестнадцатизэтажная махина характерной формы с выгнутым фасадом стояла на своем месте, но вид ее за время моей поездки в Крым несколько изменился.

– Ого!

На высоте с седьмого по девятый этаж в бетонной броне зияло огромное овальное отверстие, черный провал. Тут никаких сомнений быть не могло, посмотрелся, знаете ли, – это работа боевой летающей тарелки. Они зараз могут выпустить пять больших шаровых молний – так мы называем эти шарообразные сгустки разрушительной энергии, – потом улетают куда-то на подзарядку. Здесь в стену влетело минимум три заряда...

– Это кто же такой тупой и смелый нашелся? – спросил я тихо.

А другой причины быть не может. Неизвестный стрелок забрался в недострой и решил оттуда атаковать пролетавшее мимо НЛО. То ли калибр у него был слабый, то ли волновался,

но корабль ушел от атаки и, развернувшись, вцепился в здание. Черные просто так дома не разрушают: энергия – она для любой цивилизации ценность, зачем зря расходовать ресурс?

– Может, собаки?

Глупости говоришь, Гарик, с чего бы это псы полезли на этажи пустого здания? И что, таякали оттуда на пришельцев?

– Ну, давай посмотрим, – молвил я неуверенно.

Через минуту джип уже ворчал на трещины в разъехавшихся плитах подъездной дороги. К зданию я добрался без всяких проблем.

Тихо. Мертвецы.

Повесив автомат на грудь, я подошел к ближайшему входу в подвал – это был стандартный пролет, железобетонная секция со сварными металлическими перилами, возле которой валялись какие-то железки и пустые ящики из-под электродов. Здесь начинается длинный коридор, где под потолком проходят частично смонтированные трубы теплотрассы, так и не укутанные изоляцией. Куда я лезу?.. Заржавевшее строительное оборудование, обшарпанные стены и облезшая оранжевая краска забытого компрессора создавали атмосферу хоррора.

В подвале был полумрак, и я включил так называемый тактический фонарик, вот тут он и нужен! Яркий луч медленно заскользил по шершавым стенам и потолку, попутно поймал промелькнувшую крысу – им-то что здесь делать?! Дверь какая-то сбоку... Железная, тонкая времянка, вогнутая внутрь несколькими мощными пинками. По обеим сторонам двери вбиты скобы под наружный засов, но его не было. Открыл. В лицо пахло влажным воздухом подземелья. Этот подвал глубже, чем казалось. Подземный комплекс, в котором может быть и автостоянка. Вниз вела железная лестница без перил. Кинув туда кусок гравия, посветил фонарем, под лучом которого с бульком колыхнулась темная вязкая жижа...

Хватит спелеологии, иду наверх, к свету.

Поднявшись, я медленно пошел по длинному коридору служебного входа. Ходить тут лучше осторожно, не озираясь в движении по сторонам, – можно споткнуться.

На полу мусор, пыль, на стенах примитивное граффити класса «хрен разберешь». Ага, фанерка с планом первого этажа! Так, где лестничные клетки? Только я двинулся туда, как в конце коридора послышался какой-то шорох, а затем легкий скрежет и треск битого стекла.

– Кто там?! Не шалить, открою огонь!

Опять зашуршало. Крысы.

Каждый шаг отдавался гулким эхом и теребил нервы. Вот и лестница. И осторожно зашагал наверх, быстро добравшись до третьего этажа.

– Стоп. А обвала не боимся?

Вряд ли шары прошили здание насквозь, никогда такого не видел. Однако конструкция накрена, связи могли потрескаться, нарушив жесткость. Пройдя еще один пролет и все сильнее осознавая, что идея была глупая, я подумал: правильней бы выйти наружу и рывкнуть пару раз, может, кто и объявится.

И тут наверху кто-то тоненько, но с нарастающей громкостью завыл.

– Твою ж душу!..

Второй раз, еще громче и тоскливей. Синтетический какой-то звук.

Описать мои ощущения банальным «немного испугался» было невозможно. Много! Шибко! Зараза, это не собачий голос! А чей тогда, черт возьми?! За несколько секунд преодолев три пролета вниз, я остановился, прислушиваясь. Опять тишина – ни шороха, ни писка, вымерло все, словно и нет никого в здании. Есть, я знаю! Нет, так дело не пойдет. В голове услужливо закрутились не вовремя подsunутые памятью сцены из фильмов ужасов с дураками и бегущими за ними призраками.

Все, в обраточку!

На улице, как по сценарию, набежали свинцовые тучи, по листве и бетону забарабанил мелкий нудный дождь. Со стороны нужно глянуть. Напоследок, зуб даю! Полез через кусты. Чуть не поймав в морду пару сучков, я наконец-то выбрался на открытую площадку и осмотрел это чудо советской архитектуры извне.

Уоу-и-ии! Снова вой! С какими-то подкашливаниями и неразборчивыми причитаниями! Ну, падла, это уже не смешно, у меня с собой коньяка нет, чтобы махнуть для спокойствия. Дернул меня черт сунуться сюда, будто делать мне больше нечего. К машине.

Оглянулся я всего один раз и, что называется, вовремя, ага...

Из окна пятого этажа на меня, наполовину скрытый за стеной, смотрел какой-то серый призрак. Голова – если это была голова – словно в капюшоне, а вместо лица – чернота. Прямо под дырой в фасаде! Я резко вскинул ствол, и призрак тут же отпрянул в темноту. Это кто еще такой? Разновидность гугонца?

– Да пошли вы к лешему!

На бегу проплевавшись через плечо, я уже не обращал внимания на шорох разбегающихся от меня ящериц. Зато хорошо чувствовал, как под кепкой дыбом поднялись волосы... Молнией метнувшись к джипу, я, не выпуская из рук автомат, запустил двигатель и, часто поглядывая в зеркала, выкатился на трассу. Отсюда здание страшным не казалось. Ха, теперь меня не обманешь!

Оставляя позади зловещий Уч-Дере, я только возле поворота к чайным домикам успокоился настолько, что опять вспомнил про коньяк.

Точно, еду в Дагомыс, к Сашке Доценко. У него все есть. И община наверняка выжила. Или я его не знаю?

Глава 2

Дагомыс-транзит

Радиостанция в машине стоит не из самых мощных, уж какую добыл. На равнине она пробивает километров на двадцать, может, чуть больше. В долине Адлера и в Имеретинке этого вполне достаточно, а других обширных равнинных участков в Большом Сочи просто нет. Тут кругом горки, и в большинстве ситуаций дальность связи практически совпадает с расстоянием прямой видимости. Но я ее включил, рассчитывая потеревить дежурного радиста общины чуть позже.

Без всяких приключений проехал мимо музея автостарины и чая, лихо прошел последний тещин язык. Отсюда уже открывался роскошный вид на поселок, над которым нависало огромное здание гостиничного знаменитого комплекса в форме внушительной трехлучевой пирамиды, многоэтажной бетонной громадины, похожей на огромный корабль-парусник.

Только бы они были на месте! Быстро вечереет в ненастную погоду, мрачное темное небо обещает ранние сумерки, через которые не пробиться оранжевым лучикам падающего в море солнца. А мне еще пилить и пилить до Адлера... Нет, не успеть Залетину до ночи, надо останавливаться в Дагомысе.

Сам вызвать не успел.

Пш-шш... Включилась стационарная рация «Диско». После постоянной гнетущей тишины вокруг звук вызова был настолько резок, что сердце невольно забилося чаще. Черт, ждал ведь, чего дергаюсь? Динамики дорогой акустической нехарактерно для них закашляли, зашипели, я услышал глухой стук и какую-то возню.

– Раз... Раз... Игорь Викторович, ты, что ли, там мчишься? – наконец послышался нормальный человеческий голос.

– Два-с! «Сармат» в канале, – дисциплинированно отозвался я.

– Что со связью, елки? Ты хде, здесь?! «Сармат», ответь! Йолки, скока можно просить новый аппарат...

Живой, работает! А вот с дисциплиной в радиоэфире Доценко надо что-то делать, что за колхоз развел, честное слово!

– Позывной, боец!

– Ага, это «Геракл», значит... Вам как, далеко?

«Геракл» – это позывной радиоузла общины, все нормально. Штаб-квартира находится в комплексе «Дагомыс-Олимпийский». Поначалу они хотели взять логичный позывной «Олимпик», но такой вариант не годится, плохая разборчивость у слова, можно не расслышать. Ну а где «Олимпик», там и «Геракл».

– Почти спустился, въезжаю в поселок.

– Да знаю уже, наблюдатели сообщили. Что-то медленно ползешь!

– Скоро подойду.

Пш-шш... Что-то опять зашипело, защелкало, потом послышался стук и короткий мат. Не, ну просто образец аккуратного радиста! Сидит себе в тепле да уюте, кофеек дымящийся попивает, видать, пролил на колени. Медленно ему... А наблюдатели у них сидят на крыше главного здания оздоровительного комплекса «Дагомыс», лучшего места для поста и не придумать.

– Давай поживей, сорок минут назад за микрорайоном тарелку видели. Прием.

– Боевую? – сразу насторожился я.

– Да мне почем знать... Краем показалась, бочком. Патруль сам разобрать не успел, за гору ушла. И не вышла. Может, ушла, а может, все еще прячется. Так что летают, гады, ты осторожней будь.

Тут уж я заволновался конкретно.

– Принял. Учту. Доценко на месте?

– У себя, сейчас доложу.

– Отлично.

Дозор на месте, патруль работает, староста тоже. Значит, община цела.

– Ладушки, ждем. Вам там помощь не нужна какая, автомобиль-то цел? – Связист неожиданно перешел на «вы», видать, боится, что старосте нажалуюсь. – Мы ж сразу, пулеметом. Да и техничка готова.

– Если в ближайшее время не появлюсь, посылайте. Конец связи.

Сашка жив, и это главное. Будет староста толковый, будет и коллектив. Дождался Гарик хороших новостей! Я шумно вздохнул, стукнул ладонями по рулю и облегченно встряхнул плечами. Пульс чуть учащенный. А мы его успокоим... Вдох-выдох...

– Видишь, Гарик, все у них нормально.

Среди застройки я увеличил скорость, стараясь как можно быстрее добраться к сетевому универсаму «Золотая Нива» на пересечении Ленинградской и Батумского шоссе, где и начинается правый поворот в сторону комплексов. И опять ни единой живой души вокруг – в былые времена охреневшие от толчеи курортники о таком счастье могли только мечтать... А сейчас эта пустота угнетает. Здесь, в регионе, заточенном именно под людской отдых, парадоксальным образом не было легкого шумового фона обжитого места: веселых человеческих голосов, музыки, шума торопливо проезжающей мимо техники. Кругом атмосфера заброшенности, вселенской Катастрофы, огромной беды, согнавшей с места обитателей этих земель.

Запахов, кстати, тоже не хватает. Сбылась мечта экологов – воздух на побережье чист, свободен от выхлопа! Нет ароматов готовки из многочисленных примитивных уличных харчевен и дорогих кафе, расплодившихся окрест, пряностей... Нет даже вонючего зловония канализации, усиливающегося при жарке. Ничего нет.

По сторонам не смотрел, не было большого смысла, сейчас нужно просто дать деру, от греха. Я же без стрелка.

Вот и поворот.

Прямо по курсу, среди зелени, поднимается в гору ровная асфальтовая полоса, закатанная прямо перед Катастрофой, а за ней – долгожданная длиннющая эстакада с мостом через речку Дагомыс. Наверняка у них и здесь дозор стоит. Но я его не заметил, да и прячутся хорошо. Ага, вот и ворота в автосервис, некогда крепкое предприятие. Да они и сейчас тут технику чинят. Чуть подалее – еще один въезд, надпись извещала, что тут когда-то располагались «Кафе-24» и «Автомойка». Заброшены.

Будка КПП обитаема, боец приветственно махнул мне рукой с зажатым в ней помповым дробовиком: проезжай, мол, не тормози. Рядом напряженно замерли две большие кудлатые собаки, скорее всего, русские борзые. Та, что повыше, с наклоном головы быстро рассмотрела джип и села на землю, мгновенно успокоившись. Черт, неужели запомнила мой «Дискавери»? Или выучка такая? Хорошо бы такую собачку в напарниках заиметь...

Будка была южного типа, нежная, что ли, стекла слишком много. По обе стороны от нее висели одинаковые белые таблички с надписью: «Частная собственность, вход запрещен! Видеонаблюдение!». Видеокамера, кстати, в последний мой визит работала – не знаю, как сейчас. В случае конкретного атаса, часовой, скорее всего, не к остальным бежит, а прячется под бетонные навесы стоянок автокемпинга, к которым ведет короткая бетонная аллея. Среди деревьев проглядывает большое круглое здание необычной архитектуры: изогнутые по дуге бетонные балконы плыли вокруг гигантской шайбы волнами, по одному на номер. Восемь этажей, на крыше безуспешно зазывала отдыхающих большая надпись с названием объекта. Уже без красивой ночной подсветки.

А крепко тут все заросло за год!

На малом ходу проехав чуть выше КПП и оставив справа поле для мини-гольфа, я притормозил «Диско», бегло осматриваясь.

Слева все еще голубела кафелем большая фасолина пустого бассейна с отдельной детской зоной и ветрозащитной стенкой из полупрозрачного пластика. Из этой точки блеклая зелень высоких деревьев старого дендропарка уже не перекрывала обзор, и главный корпус был виден хорошо. По нему тоже стреляли... Часть балконов ближнего реконструированного крыла осыпалась, по стенам пошли безобразные опалины. Но такому зданию легкие ожоги не страшны, надежно построено, не свалишь.

Рация опять противно зашипела, и я не стал дожидаться приглашения. Подъехав слева, я уверенно завел джип в огромный двор-колодец, сразу стараясь выбрать на парковке место подальше от центра, но поближе к административному входу.

Во дворе к вечеру скопилось шесть машин общины, почти все они вернулись в стойло после дневных дел: два китайских бортовых грузовичка, один с серым тентом, блестящий лаком сотый «Крузак» старосты, черный, конечно же, две ухоженные белые «Нивы» – другие цвета по обе стороны Кавказских гор нивоводы не любят. И оперативная разъездная «Импреза» серого цвета.

В кузове ближнего ко мне грузовика на замысловатой поворотной турели грозно смотрел в вечернее небо станковый пулемет «максима» – гордость общины. Вообще-то у Доценко два таких раритета. И парочка ПТРД, противотанковых однозарядных ружей системы Дегтярева образца 1941 г. Я крепко удивился, узнав о подобном вооружении. Где такое взять, неужто они по музеям шарились, а потом восстанавливали? Оказалось, что это боевые трофеи, полученные после зажмуривания дурной бандитской группы, пробравшейся в регион через перевалы и слишком нагло передвигавшейся по дорогам.

Второй пулемет стоит на классическом колесном лафете, где он находится сейчас, не знаю. Может, на крыше главного комплекса?

Обогнув автомобили справа, я протиснулся между стеной возле прохода к ресепшен и стекляшками-магазинчикам с сувениркой.

Сбоку от входа на большой жаровне стоит огромный казан. Долговязый парень в тюбетейке и фартуке – скорее всего, узбек, – умудряясь фальшивить простейшую пентатонику мелодии, раскладывал в рядок тарелок большие порции плова. Половником на длинной ручке. Как легко он держит этот снаряд! Ароматный запах моего любимого среднеазиатского блюда, от которого сразу свело скулы, вместе с дымом струился по стене здания, уносясь ввысь.

Черт, жрать охота! У меня есть аварийные шоколадные батончики для борьбы с гипогликемией, но разве же это еда?

...Александр Доценко, личность в этих местах знаменитая, заняв огромным телом полпроема, уже встречал меня в дверях, давно утративших функцию автоматического открывания.

– А-а! Вернулся, блудный командир, твою в полосочку! Вижу, цел!

Теперь осторожно! Это один из немногих людей, здороваясь с которыми мне приходится напрягать кисть. Иначе может сломать в порыве благодушия. Невысокий, но очень широкий амбал способен повредить своими ручищами и позвоночник. Сашка вообще весь оплетен могучими мышцами, которые давешнему качку-биониклу и присниться не могли. Я похлопал его по каменной спине, взамен получив пару увесистых шлепков промеж лопаток.

– Ну как там дела, в Крыму многострадальном? – просипел он в нос и тут же отвернулся, чтобы снайперски высморкаться в большую блестящую урну. – Извини, что-то простыл.

– Конечно, в такой-то одежке, – заметил я.

Не по нынешней погоде одет староста. На ногах сандалии и широкие черного цвета грубые рабочие штаны со множеством карманов, мощный торс закрывает камуфляжная футболка

с обрезанными рукавами, проемов едва хватает по ширине. А ведь прохладно вокруг, даже холодно.

На поясе у старосты висит кожаный офицерский ремень и открытая кобура с «глоком», рядом чехол с рацией. И огромный тесак непонятного генезиса слева.

– Да ладно, не заледенею... Так что?

– Да как везде. Севера – мошка – крытка – лютые лица, – привычно брякнул я.

– Все шуточки твои уголовные? А если серьезно?

– Серьезно? Где жесть, где шифер. Нормально съездили, закрепили. И многострадальности не заметил, треплет, как всех.

– А Егорка где?

– Санин там остался. Пока. Был в Севастополе, сейчас, наверное, уже в Феодосии. Потом в Керчь.

Староста понимающе кивнул.

– Значится, крымчане нам помогут? Договорились? Ты расскажи подробней-то!

– Договорились, – успокоил его я. – Слушай, давай, потом расскажу, хорошо? Мне бы в пузо чего закинуть, да от горячего не откажусь.

– Ага! – обрадовался Саша. – Цел мост, так выходит?

– Мост цел. Ни одного повреждения, сами удивились.

Стартовали мы на машине. Но уже в центре Сочи нас сбили с толку, два независимых источника поведали, что, по слухам, переправа разрушена. Слухи есть слухи, вознамерились собирать дополнительные сведения. А потом я решил не рисковать. Мы так и не добыли точных сведений. Не зная реальной обстановки на магистрали и на мостах, соединяющих полуостров с материком, я не стал продолжать путь на авто и выбрал легкий катер, который нашли у хорошего человека в Якорной Щели. Гош с этим отшельником давно был знаком, он и посоветовал. Прикинули – вариант годный. Океанская «Харизма» находилась на плановом переоборудовании, а тут еще и «Тунгус» встал на внезапный ремонт, что-то с двигателем, Василий Семенович Будко весь в мыле.

Морем так морем, рванули. И больше я плавать не хочу.

– Ксюша, девочки! – громко рывкнул Доценко через плечо. – Кофейку там мужчинам сообразите покрепче! И горяченького на двоих!

Я задрал голову. Над гигантским колодцем плыли низкие серые облака, обычные для этого времени года, мрачные, недобрые.

– Опять польет, надоело. В помещение! – скомандовал староста.

Мы быстро прошли внутрь здания. Внутри – тишина и покой, полный порядок. Слева от длинной стойки регистрации выстроились навсегда, пожалуй, отключенные холодильники маленького бара с бильярдной комнатой по соседству. На полках яркими этикетками красуется мертвая, а поэтому вечная газировка известных фирм, ей, в отличие от соков, ничего не сделалось. Из еды только фисташки в крошечных шуршащих пачках и чипсы в круглых картонных упаковках.

Здесь, прямо в фойе, а не в кабинетах бывших управленцев, и находится офис старосты. Ближе к народу, с контролем обстановки.

– Сполоснуться бы, – неуверенно произнес я. – Или долгая тема?

– Не вопрос, если только не баню требуешь, горячая вода всегда есть, полотенец, сам понимаешь, навалом, – обнадежил Александр. – А вот с банькой придется подождать, пока протопится.

– Обойдусь. Так. Руки помою, потом пожрать, дальше по плану. Тебя слушать буду, расскажешь, что у вас приключилось, пока меня не было.

– Добро. Кое-что приключилось, это да. Как же без приключений... Ну и садись тогда в кресло.

Через десять минут строгая женщина в деловом костюме принесла дымящийся кофе. Ох ты ж! Ксения Павловна, личный помощник и особо доверенное лицо! Ксюша, в трансляции старосты. Сама она, правда, разрешает так фамильярничать исключительно шефу, всем же остальным взгляд тигрицы не сулит ничего хорошего. Но в этот раз она меня озадачила, улыбнувшись непривычно приветливо и открыто, да еще и спросила низким грудным голосом:

– Как добрались, Игорь Викторович?

– Вашими молитвами, – чуть напряженно ответил я.

– Горячее принесут, – кивнула женщина, уже удаляясь.

Старательно загоня внутрь обильно выделяющийся желудочный сок, я натурально обалдел, когда какая-то девчонка быстренько прикатила сервировочный столик с двумя графинами, стаканами и тарелкой фруктовой нарезки.

– Горячее! – сообщила она и тоже испарилась.

– Саня, ты что?! – взмолился я. – Жрать давай! И вообще мне пить не хочется.

– Дык! Всего по одной намахнем, для разгона и чтобы зыбь с тела снять! Наливочка знатная, двух видов, на абрикосах да на ягоде. Это тебе не вискарь пошлый, сделано с душой, отвечаю. А потом жрать, кто же спорит...

– Не... Давай плов!

– Пошли, наберем.

Восточный человек по-прежнему напевал себе под нос и все так же размеренно помешивал плов в чугуняке, постепенно остывающей в тепле затушенной жаровни. Только сейчас я заметил, что в тапках. Обыкновенных топталках, домашних, в полосочку, крепко потрепанных по канту.

– Узбек?

– Не, уйгур, Алмазом зовут. Но плов точно узбекский, готовит отлично.

– Что-то я его не помню.

– Недавно появился. Но уже проверен в деле, – широко улыбнулся староста. – Бегаёт хлопчик быстро, слушается сразу, стреляет почти хорошо.

Услышав шаги, повар резко повернулся к нам, вопросительно глядя в глаза приближающемуся шефу, все понял и тут же растерянно развел руки в сторону. С конца черпака на асфальт потекли жирные капли.

– А вот наложи-ка ты нам порциечку добрую! – распорядился Доценко. – Покажем гостю нашу кухню!

Уйгур растерялся еще больше.

– Что?

– Мясa нет, вот, на! – ответил он командиру. – Только рис остался!

– Как так? – возмутился староста, сжимая ладонью подбородок. – Куда дел?

– Дозорные последнее забрали, на пост унесли, – торопливо поведал кулинар, кивая в сторону пирамидального комплекса. – Только рис...

Кисть старосты отплыла от лица, превращаясь в кулак размером с буханку хлеба.

Я подошел и заглянул внутрь казана. Там, над лужицей еще горячего запашистого жирка, возвышалась шафранового цвета горка риса, украшенная кристалликами прозрачного лука, пятнышками зиры и красными брусочками крупно нарезанной моркови. М-м... Рис, судя по всему, самый правильный, узбекский. Конечно, правильный! Офигенный рис! От голода я был готов сгрызть казан.

– Алмаз, басмач ты этакий, черпак тебе в задницу по самый шуруп, это что еще за фокусы?! – шумно гневался Доценко, потрясая в воздухе кулачищем. На сложенных пальцах хорошо читалась составная татуировка «Витим», есть такой приток у красавицы Лены. Там тоже всегда золотишком промышляли. Я ведь сразу родную душу увидел, так и сблизился, в свое время оба на рыжье западали...

– Что за выборка для избранных, а? Одним, значит, мясо, а другим рис голяком? Уволю к хренам! На огород! В свинари!

– Да черт с ним, давайте рис, помру ведь, сволочи! – взмолился я.

– Грузи, гад! – прорычал начальник.

Но несчастного Алмаза словно камнем придавило... Тогда я молча выхватил у него из руки черпак и щедро наполнил почти вегетарианским пловом большую глубокую тарелку. А хотелось забрать весь казан, там еще оставалось.

– Колбаса готова? – тем временем зловеще поинтересовался Александр.

Уйгур икнул и часто-часто закивал, просторная тюбетейка тут же сползла на густые черные брови.

– Неси сюда! Прыжками! Аки кенгуру!

Несчастный повар круто развернулся и бросился было в закрома, но тут же, чуть не упав, остановился – в тапках бегать не получается! Ловко запустив обувь в сторону прямо с ноги и откинув фартук набок, он бесшумно засверкал в пространстве чумазыми пятками.

– Вообще-то, за такое дело надо не ему, а постовым вставить будет. Дожали мужика, паразиты, а Алмаз добрый... Ну, не забуду, уж отхватят у меня, – наконец сжалился староста, без усилий подхватывая тяжелый казан за гнутую проволочную рукоять. – Заберем, глядишь, и я вложусь в пару ложек.

– Колбаса халяльная?

– Да где там! Собачек режем и крутим с лучком. Ха-ха! – рассмеялся Сашка, увидев, как скривилась моя рожа. – Не бойсь, брат, конечно, свиная! Другого мяса взять негде, а свинкам при человеке завсегда корм найдется. Алмаз и готовит.

– А как же он...

– Вот так, Игорь Викторович. По воле роковых обстоятельств. Аллах милостив и мудр, позволяет во времена испытаний тяжких.

Во дворе быстро темнело.

На зажатый зеленым горным ущельем курортный поселок опускалась по-осеннему тягучая южная ночь. Серые облака на какое-то время стали чуть ярче, контрастней, далекий свет заходящего светила все-таки подсвечивал рваные края одеяла. Я не услышал, где и как включился генератор, просто в фойе холодным светом вспыхнули светодиоды энергосберегающих ламп. Через круглую площадку прошли трое молодых парней с гладкостволками, затем вышли две женщины, которые расторопно зажгли несколько керосиновых светильников, висящих на внутренних стенах двора-колодца и невидимых извне. Светомаскировка. С ними тоже была собака, молодой боксер. Пес не стал смотреть на хорошо знакомую церемонию, а выбежал за внешний периметр здания и там застыл, вслушиваясь в темноту. Дагомысская община согласованно входила в особый, ночной режим существования, сложный, непредсказуемый.

Елки, холодает... Избаловался я что-то на югах, забыл уже, что такое настоящий холод. Нет, это все голод виноват.

Маслянистое озерцо вокруг риса подсказывало, что было бы очень неплохо вымакать его ломтями хлебушка, но ждать не было сил. Обойдусь без прикусок и овощей. Набирая плов полной ложкой, я запихивал в рот в меру суховатый жирный рис и чувствовал, как в мой измученный организм вновь возвращаются все радости бытия. А тут и колбаску принесли. Плитки покрытия задрожали под колесами самой настоящей тачки, Алмаз быстро выгрузил кольцо домашней свежекопченной и укатил к жаровне.

– Торопится, басурманин, опять что-то жарить будет, колдун кулинарный, – тихо сообщил староста, разглаживая пышные усы. – Целые сутки старается, наши пролоты жрут, как голодающие беженцы. Хоть шашкой отгоняй.

Доценко долгое время настаивал, чтобы его считали казаком, поминая потомственность и геройскую родню, даже позывной такой хотел себе взять. Только похож он больше не на

казака донского, а на варнака, так в Сибири называли – а кое-где называют и сейчас – бродяг мутных да сидельцев-каторжников, в том числе и беглых. Тех, что сразу после отсидки берутся за воровское да разбойное дело.

Еще он мне напоминает... старосту. Главу крепкой старообрядческой общины где-нибудь в затерянной енисейской деревеньке. Я ему предложил взять позывной «Кержак» – обиделся поначалу, но так, шутейно. В конце концов, этот колоритный мужик большую часть жизни провел в Сибири за Енисеем, в Якутии и Забайкалье. Через двое суток он сам вышел на связь, представившись в эфире именно так.

Схватив колбасу, я смачно надкусил ее посередине, да так, что сразу развалил невообразимо вкусный круг пополам. Какая свежая!

– Так что, можно рассказывать?

– Давай, Саня, теперь не подавлюсь. Не, пока не наливай.

Себе он налил. Хлопнув рюмашку, староста толстым пальцем выудил из казана рисовый шарик, закусил и начал:

– Черные у твоих в Адлере нашкодили крепко... Сожгли радиоузел. Полностью, даже антенны нет. До сих пор связаться не можем, значит, не починили.

Я застыл, потом сложил половинки колбасы вместе и бережно положил их на стол, хвостик к хвостику.

– Вот падлы... Откуда сведения?

– Гонец приезжал ко мне третьего дня.

– Кто именно? – быстро спросил я.

– Армянин лет пятидесяти, невысокий. Зовут Ноем.

– На чем приехал?

– Белая «Санта», вся такая тюнингovaná, блестящая, стекла черные по кругу... Но без лифтовки.

Точно, это был Ной на своей «Санта-Фе».

Восьмое правило армянина: у армян свой взгляд на тюнинг. Не важно, какой у тебя автомобиль, но он должен быть с литыми дисками и тонировкой наглухо. В салоне иконки, крестики и армянский флаг – обязательны.

– Он один был? Что рассказывал?

– С пацанчиком, совсем еще мальчишкой, похоже, сын. Почти ничего не рассказал, торопился очень, деловой до невозможности. Даже обедать не стал, обратно умчался. Говорил, что в центре никого не обнаружил.

Ага, узнаю нашего дядюшку Ноя... Такое поведение регламентируется одиннадцатым правилом армянина: постоянно выглядеть занятым чем-то адски важным. Если никаких дел нет, то следует носиться туда-сюда, непрерывно звонить по телефону, отмахиваться с озабоченным видом и тяжело вздыхать, дабы создавать видимость того, что именно армяне тут всю мазу держат.

Значит, пять дней назад моя община была цела.

– Двух человек убили в Адлере, – стукнул мне в мозги Доценко. – Кого конкретно, не знаю.

– Суки... Сань, ехать мне надо.

– Не дури, Гарик! Куда ты в ночь собрался, нарваться хочешь? Я этому Ною трансивер подарил, не оставишь ведь в беде! Позавчера они с нами связались, – дополнил староста, нагибаясь и доставая из-под стола просторную брезентовую куртку. Накинул на плечи и сразу стал классическим геологом-романтиком, который жизнь учил не по учебникам. Молоток в руки – и на склон.

– Живы!

– Ага. Антенну новую ставили. Правда, у них сразу что-то там рухнуло.

Теперь уже и я приложился к стопочке, а староста продолжал вводить меня в курс событий:

– Оно ведь как было? Только вы отъехали к соседям, как тут и началось, ближе к вечеру, словно леший их послал... Я, когда получил донесение с вышки, то не поверил сперва, велел связаться с другими наблюдателями. Тарелок было штук тридцать, если смотреть по всему горизонту.

Точно! Значит, мы тогда не ошиблись! Провозившись с подготовкой судна, вышли мы уже за полдень. Когда катер проходил по траверзу непредсказуемый Туапсе, городок с богатыми бандитскими традициями, Санин обратил мое внимание на происходящее, показывая рукой за корму. Над горами и морем висела группа мелких, плохо различимых точек. Как мошка. Обменявшись умным, мы решили, что это не НЛЮ, а какой-то странный оптический эффект. Не было такого, чтобы тарелки пришельцев ходили такими большими группами! Две, три, ну, максимум, четыре тарелки одновременно – вот максимальная численность группы патрулирования или десанта. А чтобы с четыре десятка...

Доценко продолжал рассказывать.

Огромный, можно сказать именно так, флот боевых и разведывательно-десантных кораблей проплыл над сочинским побережьем, не торопясь уходить в горы.

– Страшно-то стало как, ешкин кот! Мураши аж до задницы добежали, бр-рр! – весело выкрикнул Сашка, ерзая в кресле от памятных впечатлений. – Ты видел когда-нибудь сорок тарелок сразу?

– Гонишь!

Он медленно и важно перекрестился.

– Хе! И не хочу видеть, – хмыкнул я.

– Еще бы! Ну его нафиг, такие маневры наблюдать.

Поначалу НЛЮ вели себя спокойно, нагло, неторопливо осматриваясь и намечая рубежи сосредоточения и атаки. Покрутившись часа два, тарелки ушли в горы, но вернулись к ночи. Вот тогда и начался самый настоящий ад.

– Предполагаю, они ударили по всем общинам одновременно.

– Сколько на тебя навалилось? – хмуро поинтересовался я.

– Шесть штук. Мы же никогда особенно не прятались, жили, можно сказать, на виду. Подсобное хозяйство, заготовки... А что, ущелье со всех сторон прикрытое, все тут прихвачено, наблюдение организовано.

– Да и сейчас не в бункере, – заметил я.

– Это наша земля! Прогибаться не буду! – раздраженно прорычал староста. – Короче, первым шаром они плюнули по высотке. Там было двое. Парни вовремя отошли вглубь – блуждающая тактика, не подступишься. Затем удачно применили ПТР.

– Сбили?

– Первую, я даже тяпнул тогда, чтобы не последняя... За неделю мы трем НЛЮ в корму засадили, они и притихли, – охотно похвастался Доценко. – Сейчас пост на высотке усилен пулеметом, пара собак есть. Службу несут втроем, ребята обстрелянные, подготовленные. Все мясо съели, гады... Смотри-ка, дождик начался!

На Дагомыс насели конкретно, прессовали плотно. Десант высаживали. В большие здания, занятые людьми Доценко, пришельцы – или гугонцы, как их принято называть в некоторых общинах, – благоразумно не лезли. В помещениях, в лабиринте коридоров и комнат связка людей с собаками действует очень хорошо, черных гугонцев псы вычисляют быстро. Поэтому десантники прыгивали в зеленку и в район малоэтажной застройки, ближе к речке и пляжу. Выковыривали их с трудом. Тем не менее, понесся потери в живой силе и технике, пришельцы вынуждены были отступить.

Удары наносились сразу по всему побережью. Предварительная разведка была уже проведена, этим черные гугонцы занимаются ночью, выскивают засветки. Человек не может жить без огня. Ему постоянно нужно готовить пищу, мыться и стирать, а для этого подогреть воду, освещать жилище и рабочие места. Он пользуется переносными керосиновыми лампами, фонарями, фарами автомобилей. И тем себя демаскирует.

Конечно, черные многому за это время научились и наобум не лезут. Они вычисляют на территории наиболее слабых. По секторам. Самые умные из числа выживших людей давно сбились в крепкие общины. И все-таки хитромудрых, считающих, что справятся с бедой, сидя в мелкой ячейке, силами одной семьи, хватает. Уговорить их изменить позицию – сложная задача, и это моя работа. Имея порой всего пару гладкоствольных ружей или два револьвера, самонадеянные упрямы, как мой дурачок-бионикл, в случае неожиданной атаки гибнут пачками... И ведь попробуй, убеди их! Порой приходится применять силу, особенно если в семье есть дети.

– Что могло случиться, почему выросла активность черных?

– Голову ломаем! – посетовал Сашка. – Я так думаю, Гарик, что они подкрепились снабжением, матбаза возросла. Помнишь, сколько они раньше на зарядку летали? Полдня не было видно. А сейчас крутятся гораздо бодрее. Новая станция появилась у них, мощная, сразу на несколько сосков.

Тут фантазировать можно бесконечно – мы все едино ничего толком не знаем. Как, на каком принципе устроены их аппараты? Что за оружие? Ну, взять хотя бы лучеметы черных. Они у многих имеются в качестве трофеев, у меня даже есть один с парой оставшихся зарядов. При прямом выстреле до полукилометра луч вполне эффективен, его можно довести на цель прямо в процессе выстрела. Только вот энергия тратится очень быстро. Зарядить же такую штуку невозможно, не умеем.

Я его держу больше как диковинку. И на будущее, когда у нас появятся люди, способные его грамотно разобрать и поковыряться в кишках. А в принципе мне их лучеметы не нравятся. Невозможно вести отсекающий огонь, нельзя работать на подавление.

– О соседях что-нибудь знаешь?

– Почти ничего, не получается пока, – сокрушенно ответил Сашка. – Из Мамайки люди ко мне перебрались, семь человек. Дальше на Виноградной жили, про них не знаю. Центр пуст, разве что черные бандитов пригасили каких залетных...

– Бытха?

– Туда не добрались, чтобы проверить. Пойми, нет у меня возможности людей далеко на разведку отправлять, почти каждый день лезут! И ответили им вроде бы по полной, а все равно беспокоят.

– Да я не в претензии, понимаю.

– А! В Хосте все нормально, Гаврус ситуацию удержал! – вспомнил Доценко, хлопнув себя по лбу. – Даже радиосвязь имеем.

– Вот, хоть чем-то порадовал, – наконец-то выдохнул я. Сложно не распахнуться при таких аховых новостях. – Может, и Кудепстой обрадуешь?

– По ним тишина, – развел ладони староста. – Ты же знаешь, что хостинские с ними конфликтовали по мелочам.

– Идиоты.

Описывая ситуацию подробно, Доценко неторопливо перебирал названия улиц и районов, имена старших в общинах, клички отшельников-одинок, оценивал перспективы их выживания. И часто ругался. Долго ли, коротко ли настала моя очередь рассказывать о том, что я увидел по дороге сюда. О бионикле поведал кратко, без ярких красок.

– Что же, посмотрю на него, – принял информацию собеседник. – Говоришь, Эльвире Захаровне туго пришлось?

– Детектив, – коротко сказал я.

– Уж туда-то съездим, сам посмотрю. Жаль будет, если плохое случилось, хорошая она женщина.

За время разговора погода пару раз поменялась. Ливневые налеты прекратились, настоящая гроза прошла чуть севернее, над горой, тучи опять распределились равномерно, выровнялись и стали пожиже – все небо неумолимо затянуло пасмурным серым. Но мелкий дождь все еще налетает шелестящими волнами. А светильники не заливают, правильно их присобачили, с учетом. Лужа в центре двора – огромная! Двор все так же пуст, лишь уйгур продолжает колдовать над казаном. Ну, не плов же снова заряжает... Сходить, посмотреть, что ли? Но я не поднялся с места, странная апатия овладела мной.

Качественная краска начисто отмытых стен поблескивала струйками стекающей воды, и мне казалось, что здание плачет. Ну и погода. Депрессивный вид открывается через панорамные окна. Унылый.

Значит, случилось новое нашествие инопланетян. Как много всего интересного произошло после нашего отъезда! В Крыму, между прочим, готовится что-то подобное, скоро грянет, черные и туда подкрепление пошлют, теперь уже ясно. Местные рассказывали мне, что число наблюдений НЛО увеличивается с каждым днем. Предупредить бы надо ребят, что все очень серьезно.

– Саш, насколько мощная у тебя рация? До Феодосии дотянется?

Коротко объяснил ему суть дела.

– Ну и вопросы ты задаешь! Антенна длинная, и не одна. Нет, тут я не в материале, как говорит разлюбезная моя Ксения Павловна. Надо у Юрки спросить, он начрадиоузда. Прямо сейчас хочешь попробовать? – Сашка отодвинул пустые стаканы в сторону, чтобы нечаянно не уронить, и привстал.

– Не горит, пусть дождь закончится и гроза подальше уйдет. Сейчас помехи будут, скорее всего.

– Специалист! – оценил он мои радиопознания, усаживаясь обратно. – Тогда еще по одной. Ничего, ничего, по чуть-чуть. Ты еще куришь?

– Бросил.

– А я не могу. С такой работой...

Мы выпили, закусывать было уже нечем.

Надо идти к казану, да поживей. Потому что ситуация способствует расслаблению старости, появился железный повод. Если Доценко нарежется, то будет натуральный цирк с бегемотами. На определенном этапе он начинает петь народные русские и казачьи песни, потом берется за художественное декламирование, предпочитая Бродского и свои стихи, а напившись до изумления, идет к природе-матушке. Цель короткого похода всегда одинакова: найти березоньку, обнять и плакать. Но дело в том, что в Сочи найти березку не так уж просто, здесь другая флора. Поэта Доценко в такой кондиции вполне устраивает молодой кипарис. Дальше вообще начинается сущее безобразие – этот кабан, наобнимавшись с деревом, старается вырвать его с корнем, дабы всенепременно поместить его в собственную светлицу. Хорошо, что корневые системы деревьев в субтропическом поясе очень развитые, не то что в лесотундре и тундре, где они стелются поверх мерзлоты, и все его попытки оказываются безуспешными.

– Тогда пошли за компанию, я подымлю, – предложил он.

– Да тyani здесь!

– Нет, нельзя мне, – заупрямился староста, моей ложкой выскребывая из казана жалкие остатки выхолощенного, но вкусного плова. – Надо выходить на улицу. Если начну курить тут, то вообще себя распушу.

– Ладно.

Но прогуляться нам не дали. В дальнем конце фойе глухо хлопнула дверь, звук быстро приближающихся шагов прервал одиночество руководителей общин.

– Дядя Саша! – прозвенел мальчишеский голос.

Доценко выронил ложку, тут же утонувшую в жире, и с тихими ругательствами начал вытирать руки кухонным полотенцем.

– Витька, задницу тебе надеру за испуг! – грохотнул староста. – Напугал старика! Спокойно подойти не можешь? Что стряслось?

Встав почти рядом с нами и перебирая от нетерпения ногами, как молодой жеребец перед скачкой, конопатый пацан лет четырнадцати, в клетчатой рубаше и закатанных джинсах, шмыгнул носом и выпалил:

– Дядь Саша, че они, как жлобы? Тогда ты лично распорядись, чтобы нас с Костяном к токарному станку допустили! Ты же знаешь, я умею!

– Постой-постой, ты чего это надумал, а? – Доценко, ухватив ручищей мальчишку за брючный ремень, легко переместил его поближе.

Витька дернул ногой, освобождаясь, настороженно посмотрел на меня, решил и выдал:

– Мы миномет решили сделать! Проект готов.

– Че-его-о?! – изумился староста.

– 82-мм миномет. А что такого? Да его можно склепать в любой автомастерской. Берем карданный вал от «КамАЗа», отпиливаем от него всю трубуху, нужна только труба. Потом один конец хорошенько завариваем заглушкой...

– Стоп! – возмутился Доценко. – А ну-ка, сдать задом, оголец! Ишь, рационализатор! Миномет они надумали... Дурных сил, смотрю, много, не знаете, чем заняться. Завтра пошлю на земляные работы. Как вы вообще додумались до такого, почему мне загодя не сказали?

– Мы говорили! – возмутился Витька. – Вы с устатку были, не помните ничего...

– Знать ничего не хочу!

– Подожди. – Я прервал воспитательный процесс. – Смотрю, умельцы у тебя везде и во всем. Пусть расскажет. Интересно же.

– А чего сложного? – обиженно молвил мальчишка.

– Излагай.

– Сверлим по центру дырку и вставляем туда гвоздь. Вот. Потом завариваем гвоздь наглухо, Костян вообще хорошо варит. В качестве опорной плиты возьмем стальной лист котельного железа, мы заранее притащили из поселка... Снизу приварим длинной стороной два тупоугольных треугольника из того же металла и ручку-рычаг для выворачивания плиты из земли. Вот и будет опорная плита. На плиту поставим шарнир с трубой, разборный, там кое-что придется выточить. К трубе привариваем зажим для двуноги. Арматурные ножки, наконечники – все возьмем от треноги старого советского теодолита, тоже имеется, мы же готовились... Ставим прицел, тоже от теодолита, переделанный 2Т30П, возни много, но я уже придумал как. На полтора километра будет бить уверенно! Ну, конечно, понадобится еще пристрелять парой десятков мин, составить таблицу стрельбы.

Доценко крякнул.

– Экие самодельщики! Всех взорвать хотите. А мины-то где возьмете? – Он ехидно посмотрел на генерального конструктора.

Но тот не смутился.

– Мины вполне можно делать и самим, оборудование есть, дядя Саша! Мина калибром 82-мм простая, чего там космического-то? Главная хитрость – надежный взрыватель, трубочка, капсуль, инерционный боек, ударный боек и предохранитель. Простенький корпус можно отлить и проточить. Стабилизаторы зафигачим из жести, восемь штук, заряд – тут уж что добудем. Или сами смесь приготовим – прессованный аммонал там, аммиачная селитра,

угольная пыль и алюминиевая пудра. Можно и пироксилин, но его придется дорабатывать смесью эфира, спирта и желатина... геморрой.

– Вы мой геморрой! – разорался староста. – То беспилотник с коктейлем Молотова под крыльями сочинили, мы чуть не сгорели! То какой-то там шушпанцер сочинят! А теперь миномет?

Мальчишка шмыгнул еще раз, потом второй – дело явно шло к лютой обиде. А такую активную молодежь отталкивать не надо. Обидятся, замкнутся, потом сбегут куда-нибудь в поисках приключений, непонятые и непризнанные.

– Виктор, послушай, – тихо начал я. – Ты, вижу, человек опытный, реалии знаешь. Скажи, как на духу, за каким хреном нам нужен миномет против пришельцев? По тарелкам, что ли, стрелять, ты как себе это представляешь?

– А тогда, тогда... Можно по черным гадам бить в месте их десантирования! – не сдавался энтузиаст-самодельщик.

– Э, нет, брат... Вот по нам точно можно стрелять минометом, позиция определена, сажай с поправками. Черные в малоэтажке мобильны, не так-то просто их выследить. – Мне пришлось его расстроить.

Другой бы на его месте упал духом. Но это парнишка явно был покрепче многих. Далеко пойдет, если не подорвется на экспериментах.

– Из трубы от карданного вала можно стрелять и выстрелами от «РПГ-7»! Да и самодельными гранатами без реактивного двигателя получится, ну, правда, не дальше чем на сто пятьдесят – двести метров. Только электроспуск нужен, – выкатил он с ходу еще одно ценное предложение.

– Вот! Правильный разворот, – похвалил я. – Гранат у нас достаточно, а с «семерками» напряг. Так что давай, начинай переделывать программу опытных работ. Будет рациональное зерно, тебе все помогут.

Он очень внимательно посмотрел на меня, поморщился, гоняя по лицу конопушки, что-то прикидывая и взвешивая, а потом поинтересовался, типа простой такой:

– Дядя Игорь, а у вас в общине токарный станок есть?

– А-атставить военные хитрости! – вмешался староста. – Ты что у меня спецов перемаливаешь? Виктор, ступай. Завтра придешь и расскажешь подробно, подумаем вместе. Ишь, уже сбегать примеряется... Точно, выпорю.

В этот момент на поясе старосты ожила коробочка маленькой рации, эфир зашипел, как змея у меня в машине. Забыв про нас, Доценко вытащил трансивер, жмякнул кнопки, потряс, а потом вставил в разъем наушник, вытащенный из кармана.

– Опять толком не работает.

Быстро отойдя в сторону, он выслушал короткий доклад и спросил оператора сам:

– Принял, три тарелки. Да понял! А патруль вернулся? Как так не вернулся, где они болтаются? Сразу два колеса пробили? Моло-одчики, нечего добавить! Что, глаз нет? В «Казачьем привозе»? Вот там пусть и спрячутся. Да не сделают они быстро. Ничего, потерпят. Ка-анечно, без них-то кисель не сядется... Хорошо, сам свяжусь.

Кивнув мне головой, староста тут же начал вызывать застрявший где-то под горой автопатруль, затем его вызвал еще кто-то.

Тем временем вокруг стало людно, народ стал готовиться к отражению возможной атаки, ожидая лишь команды старшего. Богато у него стало с мужиками после пополнений от соседей. Восемнадцать бойцов может выставить община.

– Смотрю, уже готовы? – спросил староста у всех, подходя ближе к выходу. – Сюда идут две штуки, третью пока не засекали. Прячется. Плывут медленно. Только что приседали в поселке, значит, была высадка. Так... «ПТР» на позицию, пулемет в горку. Выполнять!

Двое мужиков быстренько подбежали к грузовичку с «максимом» в кузове. Мы со старостой сразу пошли наружу, за ними. Один из бойцов забрался в кабину, второй, запрыгнув в кузов, встал к турели. Моментально завелся дизельный двигатель, пыхнул и пропал черный выхлоп, стеклянное полотно окна под моей ладонью начало мелко вибрировать. Ночной воздух быстро наполнялся жутковатой энергетикой подготовкой к бою.

– Реально, ребята очень резкие, казачки, – тихо пояснил, да и похвастался заодно Доценко, с наслаждением пуская в ночной воздух густую струю дыма. – У них там возле верхнего автокемпинга классная засада подготовлена, вдарят сбоку, когда момент будет.

Под противный скрип колес-дутиков из-за кубика сувенирного магазина вырулила странная конструкция – платформа два на два метра, на которой красовалось закрепленное на турели противотанковое ружье. Рядом с ним стояли два ящика и прикрученное к металлу легкое офисное кресло. Расчет легко тащил шайтан-арбу за П-образную дугу.

– Зенитчики! – осклабился староста.

Прошлепав башмаками по воде, расчет, озадаченно чертыхаясь, остановился в самом центре лужи, а потом протащил боевую платформу дальше.

Над головой висел темный круг ночного неба, заставляющий меня то и дело смотреть вверх. Душа волновалась, хотя умом я понимал, что здесь вполне безопасное место. Для того чтобы тарелке нанести точный удар внутрь колодца, ей придется встать точно над ним, угодив в осиное гнездо. Стрелки ее и близко не подпустят. НЛО пришельцев – межпланетные корабли, и обшивка их не многим отличается от той, что использовалась на земных космических аппаратах. Десантный вариант уверенно дырявится очередью из «АК». С боевым кораблем сложнее, для его поражения нужен как минимум пулемет. Нет у них броневой защиты, даже неизвестные нам технологии не могут запускать в полет тяжелых монстров с красивыми заклепками.

Личный состав разбежался по местам, а я подошел к джипу. Открыв заднюю дверь, снял с «Печенег» оптический прицел и поставил на пулемет тепловизор. Еще один прибор в формате монокуляра тоже взял с собой.

– Где снайперку оставил?

– «СВД»? В «Орхидее». Уже привык к этой машинке. – Я шелкнул по жестянке патронного короба, пристегнутого к пулемету.

– Хорошо ты, Гарик, экипирован, – позавидовал староста. – Давай меняться, дам тебе «ПКМ» и четыре свиньи.

– Когда это ты успел разжиться?

– Новенькие притащили, теперь у меня уже три тарихтелки... Так что скажешь? Свиньи большие, жирные, шашлычок сделаете.

– Я к тебе в гости приеду, вот и накормишь, – улыбнулся я. – Говори, командир, где моя позиция будет.

Он ни капли не расстроился. Выслушав очередное донесение начрадиоузла, Доценко махнул мне лапой и торопливо зашагал в сторону КПП, я следом.

– Только быстро, первая подходит! Авось и на нашу долю хватит.

И тут вокруг хаотично захлопало. Оглушительно рвущие воздух выстрелы из автомата или пулемета с удалением быстро превращаются в обманчиво безобидные, словно новогодние хлопки. Часовой, присев за невысоким бетонным блоком, притащенным сюда загодя, показал нам пальцем в сторону самой приметной в Дагомысе горы, названной в честь управляющего царским хозяйством князя Успенского.

– Прибор! – попросил Доценко.

Мы в два тепловизора начали сканировать доступный для обзора сектор.

– Собак выпустил? – поинтересовался Сашка, не отрываясь от окуляра.

– К поселку понеслись, деточки лохматые мои, хоть бы их не подрезали... – ответил часовой.

– Нормально все будет, – буркнул староста.

Тук! Выстрел из «ПТР» прозвучал куда более внушительно, чем автоматные.

Небо немного просветлело, через тучи старался пробиться растущий лунный серп, призрачные, еле видимые лучи падали на ближнюю поляну. Похоже, еще немного, и гадский спутник Земли засияет в полную силу. Но полностью не разъяснится, тучи по-прежнему закрывают большую часть небосклона.

Повоевать мне толком так и не довелось, дичь прошла мимо. Лишь один раз я увидел силуэт летающей тарелки, плывущей над деревьями настолько низко, что времени на хорошее прицеливание не оставалось. Выпустил две короткие очереди и, по-моему, куда-то там попал...

«А ты бухай поменьше с корешами, тогда и без «по-моему» попадешь!»

Корабль в ответ пару раз выпустил убийственные огненные шары, вблизи главного корпуса ярко вспыхнула пламенем верхушка большой сосны. Потеряв цель, я посмотрел через прицел на крыло здания, откуда бойцы продолжали бить по НЛЮ из «ПТР» и гранатомета. Затем перевел взгляд ниже и в сторону А это еще что такое?

– Ну вот, теперь тушить придется, чтобы парк не полыхнул, – разозлился Доценко.

– Дождь сейчас будет, – доложил часовой.

– Хорошо бы. Игорь, ты куда там смотришь совой? Только что доложили: тарелка в море упала, отлеталась. Две ушли в горы.

Уже возвращаясь в фойе, я все еще сомневался: рассказывать старосте о странной серой фигуре, замеченной в окне заброшенного пансионата железнодорожников, или не стоит? Мне показалось, что похожий силуэт я увидел в оконном проеме одноэтажного здания неподалеку. Показалось...

А если там действительно кто-то был? Рядом со штабом. Надо рассказывать, пусть прочешут. Но еще не факт, что Саша поверит.

Бредить не хочется, несолидно.

Глава 3

Зверье мое

Если я в своих дневниках, которые прилежно веду по сей день неизвестно ради чего, упомяну название и автора того самого справочника собачьих пород, это будет считаться рекламой? Можно усмехнуться, но мне не до смеха. Кончилась реклама. Так же, как права на интеллектуальную собственность. Старая проблема, и все общественные дискуссии вокруг нее мертвецки завершились в День G. Нет больше предмета для обсуждения, потребители и авторы отправились в мир иной.

То же самое касается любой другой собственности, да и прав на нее. Общее право исчезло, теперь каждая разрозненная группа людей устанавливает свои нехитрые внутренние законы, не сильно-то и отличающиеся по редким общинам. Все базируется на силе оружия, на праве сильного.

Реклама потеряла всякий смысл. Если это только не реклама крышевания, на такие услуги спрос есть и будет всегда.

Правды ради: я и не помню автора этого справочника, хорошего, между прочим, и уж тем более не обратил внимания на издательство. Красенькая такая книжечка в формате автомобильного атласа, с синей полоской внизу. Сейчас она дополнила рядок томов на полке ресепшен в «Орхидее». Отработанный материал, вряд ли я открою этот справочник в ближайшее время. Слишком узко. После того как мне потребовалось разобраться в классификации птичьих, я нашел общий справочник, толстенный том, паскудное достижение человеконенавистнической рационализации издательского дела с настолько мелким шрифтом, что многое приходится читать через сильную лупу. Зато там много информации. Закинул в машину, и всегда в материале.

А ведь за тем красеньким я неспроста поехал! Уж очень хотелось завести собаку-друга, верного помощника, в компании с которым свои действия я представлял вполне кинематографично: Одиноким Дьяволом, отважно разъезжающим по асфальтовым магистралям района, аки Безумный Макс. Хорошее дело. Ты не один, рядом всегда есть верный помощник, воин с отличной чуйкой. Красота.

И чтобы не очень маленький помощничек, боевитый такой.

К собакам я отношусь почти безразлично, фанатичной любви с «уси-пуси» уж точно не испытываю. В енисейских деревнях владельцы держат псов сугубо утилитарно. В соседстве с бескрайней тайгой веками идет постоянная селекция, жестокий отсев. Толковую охотничью собаку будут холить и лелеять. Бестолковых же кормить даром никто не собирается. Однако личные предпочтения ныне значения не имеют, если ты не идиот конченный – при моей тяге к одиночным рейдам пес однозначно нужен.

Того красавчика я заметил на улице Ленина в Адлере, во дворе, рядом с крошечной парикмахерской «Эстель», куда, вспомнив по дороге о давней просьбе женщин, наведаясь с целью набрать всяких нужных им принадлежностей. Услышав наглуую возню по соседству, пес прилежно залаял из-за забора, сначала с дежурной злостью, а потом гораздо мягче, даже с извинением в голосе, приглашающе, что ли. Мне было достоверно известно, что на этом участке никто не проживает, одни погибли, другие уехали. Поэтому, забравшись на поваленное ураганом дерево, я смело заглянул во двор.

Он бегал по кругу. Увидев меня, сел на землю и заскулил.

– Ничего себе... Что, оголодал, зверь?

Зверь тут же встал, завыл, задирая морду, и бешено замолотил в воздухе обрубок хвоста.

Кто таков? Оставленный хозяевами пес был похож одновременно и на ротвейлера, и на неополитанского мастифа, видел я такого у спасателей с Красной поляны. Крупная собака, крепкая, изрядно отощавшая, но сохранившая стать могучего бойца. Туловище компактное, мускулистое и крепкое. Холка высокая, длинная и сухая, поясница короткая, широкая. Грудь тоже широкая, грудные мышцы хорошо выделяются. Лапы – ого-го! Лапищи. Короткая шерсть. Окрас темно-рыжий, на морде выделяется серая маска с границей по внешние краешки глаз. И вот теперь о глазах.

Не глаза на меня смотрели, а вытарщенные глазищи – жутковатые чайные блюдца, такие были у псины в знаменитой сказке Андерсена «Огниво». И в этих блюдцах плескалось отчаяние брошенного ребенка, скорбь и мольба: «Забери!»

– Голодный, понял. Вижу-вижу... Сейчас.

Спустившись, я взял в багажнике сырокопченую колбасу, затем, представив, как несчастный пес в три взмаха челюстей и в два глотка уронит непрожеванное в сжавшийся от голода желудок, кинжалом быстренько покромсал палку на пяточки, сгреб все и вывалил за забор. Быстро чавкающий зверь произвел еще более устрашающее впечатление. Еще бы! Башка большая, тяжелая, челюсти стальные...

Действовать нужно было грамотно. Прежде чем принять столь важное решение, надо разобраться, что это за порода и какие у нее есть особенности поведения.

– Подожди здесь, приятель, скоро вернусь, – обнадежил я затворника, быстро сделав смартфоном несколько снимков, теперь в этих компактных гаджетах используются исключительно их вторичные функции. Фотик, диктофон, фонарик... И все равно смартфон – очень удобная штука.

Вот так у меня в руках и оказался собачий справочник.

После тщательного сравнения фото с картинками я пришел к выводу, что волею судьбы познакомился с канне-корсо – оказывается, перед Днем G в России на эту породу начался настоящий бум.

Предками их были догообразные собаки Древнего Рима. Первые литературные упоминания XV века рассказывают, как эти чудовища использовались для охоты на медведей – меня это сразу впечатлило, слишком уж хорошо представляю я, что такое медведь в лесу. Изначально порода была определена как пастушья, помогая загонять и охранять скот, но использовалась и для охоты, травли. Исторически собака была распространена в Италии повсеместно, однако к концу двадцатого века сохранилась только в некоторых горных областях и была фактически спасена кинологами-селекционерами. И еще – породу весьма часто связывают с сицилийской мафией. Нормальный дружок для решения кровавых вопросов. В необычном названии породы отражается традиционное предназначение канне-корсо для охраны собственности и личной защиты. Живой Корсет.

Они достаточно устойчивы к холоду, дождю и ветру, при этом неплохо переносят жару. Полноценные рабочие собаки, имеющие не только сильную мускулатуру и крепкие связки, но и отличную координацию движений, выносливы, могут быстро бегать, высоко прыгать и эффективно бороться с противниками. То есть с черными, в новой реальности.

Меня пока что интересовали особенности обучения и поведения.

Вычитанное в справочнике порадовало! Для канне-корсо характерны «верность и привязанность к членам семьи, способность к тонкому эмоциональному контакту (прямо так и написано!) с хозяином при готовности проявить недоверие и злобу по отношению к посторонним и свирепость к врагам. При правильном воспитании и дрессировке у собак успешно развивается высокая степень адекватности и безопасности для членов семьи и для домашних животных. Это самое главное! Обычно каждая встреченная собака, явно что-то такое чувствуя в моем отношении, начинает вести себя агрессивно, а даже самые маленькие непременно стараются ухватить меня за штанину. Канне-корсо уравновешенны, четко различают своих от чужих и

готовы проявить лютость при охране и защите. В спокойной же обстановке, как заверял автор справочника, пес с высоким уровнем агрессивности к чужакам будет безопасен для мирных людей. При этом во время самостоятельной охраны канне-корсо вполне способен действовать без помощи человека. Ну, потому и выжил в режиме «один дома», все ящики погрыз в доме и дворе, все значки разобрал на щепки...

Вот только как мне узнать, насколько хорошо его воспитали пропавшие хозяева?

И почему они его, такого необходимого в нынешней реальности, оставили за забором? Большой вопрос.

Тем не менее решение было принято: забираю!

Не желая рисковать напрасно, я отверг вариант проникновения внутрь двора. К черту. Там все еще простирается заповедная территория бывших хозяев, которым пес, надо полагать, с детства дал завет пожизненной охраны вверенного ему имущества. И пускай он сейчас скулит и ластится. Обнаружив пришельца непосредственно в вотчине, вполне может и порвать. Решил вызвать пса по-другому.

Прокатившись на рынок строительных материалов, возле моста через Мзымту, обшмонав пару павильонов с инструментом и оборудованием, выбрал самую длинную складную лестницу, какую только смог найти, и принайтовал ее к багажнику. Заодно попутно ломанул и магазин с товарами для домашних любимцев, набрав там каких-то витаминов, лекарств, сухого и консервированного корма.

Вернувшись к парикмахерской, я, примерившись, перекинул лестницу во двор и какое-то время попрыгал, пока не зафиксировал один конец на заборе надежно. Какое-то время бедный пес, уставший бегать кругами в нетерпении, никак не мог понять, что я ему предлагаю, даже разозлился немного. Наконец он понял и, подбадриваемый моими громкими и резкими командами, осторожно полез вверх по достаточно пологому мосточку, с нерешительностью остановившись на самом верху.

– Прыгай!

Пес с тоской глянул на меня, утробно проскулил и грузно свалился вниз на коротко подрезанные некогда жесткие кусты лавра, не обнаруживая пока что красочно расписанной в справочнике хваленной «динамики, своеобразной грации и координации движений». Эх ты, несладко!

– Ну, что ты... Словно куль с отрубьями! – констатировал я, покачав головой над лежащей на боку тушей.

Улица – не двор, это нейтральная территория. Здесь много чужих меток. Какое-то время пес приходил в себя.

– Словно на ринге вырубил.

Вот и назвал его Боксером или, если коротко, Боксом. Дальше все пошло как по маслу. Накормленный пес с благодарностью облизал мне руку, спокойно дал себя погладить и внимательно рассмотреть. Написано, что рост канне-корсо в холке достигает 62–70 см, а вес – 45–60 кг. Этот весил не больше сорока, исхудал.

– Молодой ты еще...

Опытные специалисты из общины мой выбор одобрили, но горячей симпатии не выразили. А вот пятисобачья диковатая стая, давно кормившаяся в «Орхидее» и исправно мониторящая для общины окрестности, к новичку отнеслась категорически холодно и в свою компанию пса не приняла. Более крупный, чем старички, Бокс попытался показать себя альфасамцом, но тут же внушительно получил от вожака, которому помогли остальные, и больше к ним не лез, проживая и питаясь отдельно. Понять, почему собаки не нашли общий язык, я не смог.

Настораживающие симптомы поведения начали проявляться и в другом. В справочнике было написано, что стоит повыситься на нее голос, как собака падает своему господину и пове-

лителю в ноги, ластится и в полном смысле слова ползет на брюхе, выражая абсолютное подчинение. Ага, не тут-то было! Никакой доброты и нежности к окружающим этот грозный и свирепый хищник не проявлял, и тем более нельзя было сказать, что именно этот канне-корсо обожает маленьких детей, прощая им любые шалости и проказы. Уже через день женщины, боясь за детей, попросили меня держать пса на привязи.

Прекрасная нервная система, уравновешенная психика... Ага! Да ничего подобного! Боксер запросто мог разозлиться на ровном месте, и мне приходилось достаточно жестко его одергивать.

Мы совместно съездили на два сложных маршрута, где он проявил себя нормально, один раз вовремя отреагировав на появление поблизости черных и тем самым предоставив мне драгоценное время, необходимое для организации грамотного драпанья.

Но удовлетворения от такой напряженной дружбы я не ощущал.

А потом он на меня бросился.

Я всегда кормил его первым, так же поступил и в тот раз. Убедившись, что напарник поел, развернул свою колбасу – тут он и прыгнул. Молча, без предупреждения, лишь на последних метрах он громко и зло зарычал. Не успев скинуть задницу с сиденья или втянуть ноги в салон, я машинально дернул водительскую дверь, вовремя прикрывшись – Бокс с размаху врезался в ребро и отлетел в сторону. Как я умудрился в течение пары секунд взобраться на крышу джипа, не помню. Думать начал, только обнаружив себя стоящим на четвереньках с болезненно сжатыми кистями, вцепившимися в толстые прутья экспедиционного багажника.

Сердце готово было выскочить из груди, во рту пересохло. Кое-как переведя дыхание, я с трудом разжал пальцы, выпрямил спину и посмотрел вниз.

Там бесновался суший дьявол.

– Что на тебя нашло?! Сидеть, Бокс! Сидеть, я сказал!

Куда там! Уже знакомо вытаращенные глаза на этот раз сияли запредельной злостью и боевой яростью берсерка.

– Прочь! Пошел к черту!

Провал. Брак.

Наконец-то мне стало понятно, почему хозяева не взяли его с собой. Вот ведь сволочи! Ну, так пристрелили бы тогда, зачем мучить животное и подвергать опасности выживших?! Нет же, они его как бы пожалели, проявили липовую доброту, заперев спящее чудовище в бетонном периметре. На верную голодную смерть.

Никаких способов быстро и безопасно проникнуть в салон, умудриться запереться и уехать у меня не было, узкий вентиляционный люк не выручал, а взбесившийся пес и не думал уходить, бегая вокруг машины кругами. Минут десять я перебирал варианты, искал выход – бесполезно.

Делать было нечего. Вытащив из кобуры «стечкин», я выбрал удобный момент, сам у себя попросил прощения и дважды выстрелил ему в голову.

Жалко мне было? Очень. Знаете, это была моя последняя попытка завести собаку. Больше не буду. Разве что случайно повезет, или кто-то поможет.

К лешему, контакта у меня с ними нет, не понимаю я их, слишком мы разные.

* * *

Много развелось в округе дикого зверья.

Еще до начала общепланетарной борьбы с внеземным нашествием в лесах вокруг Сочи на людей начали нападать медведи, приходящие с предгорий. За тот год, когда все началось, только к весне было зарегистрировано пять подобных случаев. Три из них закончились смертельным исходом. Ученых мужей из Кавказского государственного природного биосферного

заповедника, горячо выступающих по телевизору, почему-то удивляла сложившаяся ситуация, что это за специалисты? По их же уверениям, кавказские медведи достаточно миролюбивы, никогда не были агрессивными по отношению к людям – наоборот, всегда старались избегать опасного контакта. Начиная с весны учет таких атак, естественно, прекратился – явились черные.

Сейчас сложно сказать, были ли случаи нападения медведей спровоцированы человеком или нет. Телевизионные головы обращали внимание обывателя на то, что в большинстве случаев инциденты происходили рядом с туристическими лагерями или возле рядов мусорных баков, стоящих у рекреационных объектов. Можно было предположить, что медведей прикармливали либо сами туристы, либо профессиональные фотографы – ради эффектного снимка. Вот и получилось, что звери привыкли к легкодоступной пище, а на человека начали реагировать как на конкурента. А ведь тот год выдался урожайным. Природного набора основных натуральных кормов: дикой груши, желудей и плодов каштана мохнатому хозяину горной тайги было предостаточно.

Ну а сейчас... После того как люди фактически потеряли контроль над территорией, дикое зверье обнаглело окончательно. Отшельники и прячущиеся от других общин опасливые семьи, мелкие шайки и более крупные криминальные бригады, закончив потрошить центральный район Большого Сочи, начали отступать на нетронутые мародеркой поляны, в удаленные от моря спальные микрорайоны. Все они вынуждены учитывать вероятность встречи не только с кавказским медведем, но и с волком. Естественно, опасное соседство представляют и дикие собачьи стаи. Правда, ряды собак поредели.

Но это еще не все. Как-то раз в поисках на Пластунской нужного мне склада я заметил на асфальте не очень-то и испугавшуюся автомобиля косулю. Помню, чуть не сшиб большого енота, многие наблюдали проход через дороги больших семей кабанов, а Ной утверждает, что лично видел в черте города горного леопарда.

Природа быстро берет свое, на огромных городских территориях, некогда безраздельно принадлежавших людям, быстро формируется новая, вполне уникальная экосистема. В дельте Мзымты, ближе к устью, развелось много аистов, охотящихся на лягушек, утки плавают в заводях, впрочем, и по Сочинке тоже. Вполне можно охотиться, только мясо у них невкусное, рыбой воняет. Белок в Сочи всегда хватало, а многие санатории, пансионаты и гостиницы держали кроликов, каких-нибудь ярких цесарок и, конечно, павлинов. И без того диковатый парк «Южные культуры» быстро превратился в дремучий лес. В знаменитом сочинском Дендрарии я давно не был, да и желания наведаться туда не испытываю, с диким зверьем там все нормально, знаю.

Да что там Дендрарий! Оказалось, что даже в узкой полосе прибрежного района имеется очень много санаторных парков, рощиц и прочих тихих зеленых уголков. Самый нижний уровень заняли мелкие грызуны всех мастей. Тут же в застройке освоились и небольшие хищные птицы, кречеты и пустельги – сейчас их в городе хватает. На птиц и грызунов успешно охотятся бывшие домашние кошки, выжившие и быстро адаптировавшиеся к зеленке. Опасность собачьих стай они осознали быстро и обитают, скажем так, на втором уровне, куда псам не добраться. В заброшенном городе полно мест, где можно надежно укрыться не только от непогоды, но и от преследования. Здесь гораздо проще, чем в предгорьях, организовывать засады и заматавать следы. В стремительно дичающей урбанистике постапокалипсиса возрождаются старые пищевые цепочки и возникают новые. Некоторые из них включают в себя и людей...

...Необычно звучащее название Мамайка есть не что иное, как русифицированное турецкое имя небольшой каменной крепости Мамай-Кале, в древности поставленной в устье реки Псахе. Считается, что ее построили геноуэзцы. Ну, это общее правило, тут почти все старинные постройки приписывают именно геноуэзцам.

Точной даты постройки крепости нет. Назначение разрушенной ныне береговой цитадели спорное. Большинство историков и краеведов утверждает, что ее целью была защита местной торговой фактории от нападений пиратов и кочевников. Через некоторое время за крепостными стенами соорудили рыночную площадь, где купцы имели возможность совершенно спокойно заниматься обменом и продажей своего товара, не боясь бандитских нашествий. Однако это мало значащее в окрестных раскладах береговое укрепление не упомянуто ни в одном историческом документе, что, по мнению других исследователей, является следствием не столько реальной слабости укрепления, сколько дурной славы пункта местной работоторговли. Ввиду интересов влиятельных итальянских работоторговцев, крепость эта могла быть слабо контролируема или вообще неподконтрольна генуэзской администрации и связана с весьма интенсивными махинациями купцов, решивших действовать в обход консульской казны. Зачем упоминать в документах организованный криминал? В таких делах излишняя слава городка может сослужить ему дурную службу... Довольно популярный в своих кругах, здешний пункт работоторговли просто перестал попадать в официальные документы, а те, кому было интересно, и без них знали, куда плыть.

Эта версия мне нравится больше, она более жизненная. Потому что на центр торговли Мамайка уж точно не похожа, тут далеко не самое удобное место в округе для выполнения такой функции.

Постепенно крепость стала развиваться и превратилась в большой базар, что и послужило толчком к началу ее разрушения. Из-за отсутствия должного присмотра крепостные стены практически полностью исчезли. Однако даже остатки фортификационного сооружения всегда привлекали к себе туристов.

Сочинская Мамайка, в сравнении с остальными районами этого курортного города, – тихое местечко, расположенное между Дагомысом и центром Сочи, практически на въезде в курортный город. Я бы даже сказал: излишне тихое, а если честно, то абсолютно тоскливое. Здесь ничтожно мало баров, кафе и ресторанов, нет шумных клубов – потусить веселым людям негде, и отдыхающим здесь приходилось довольствоваться романтическим шумом прибоя и нервной переключкой в ночи автомобильных сигналов. Стоило машине повернуть направо почти сразу после поста ДПС, и вновь приезжий попадал в разномастный коттеджный поселок с узкими гористыми улочками.

Район настолько не туристический, что при прогулках с фотографированием здесь вполне можно было нарваться на странную реакцию местных жителей, которые порой выбегали из своих дворов и кричали, чтобы вы «уходили побыстрее, тут не выглядывали и не воровали». Никогда не любил это место. Или это рожа у меня такая протокольная? Я не настаиваю на своем мнении, может, кому-то здесь и нравилось.

Исторических достопримечательностей, кроме руин спорной крепости, на Мамайке нет, зато есть местечковый бриллиант – большой и немного пафосный санаторий «Октябрьский», принадлежавший РЖД. Да-да, хитрые железнодорожники, приговорившие к гибели тот самый накренившийся пансионат уже при выборе места и в процессе строительства, быстро нашли ему более чем качественную замену.

А что, не завернуть ли мне туда, глянуть, прокачать обстановку? Да и вспомнилось кое-что. Зараза, вечно спокойно не живется...

Остановившись возле поста ДПС, я потерял минут пять, взвешивая резоны и выбирая вариант движения. Поехать прямо, рванув по туннелям дублера Курортного проспекта, или повернуть направо, мимо Мамайки с выходом на Виноградную?

Дублером, конечно, заманчиво. И быстро. Но только в том случае, если длиннющие каменные трубы свободны для проезда. Сашка Доценко утверждает, что неделю назад там было чисто. Только ведь не факт, что с тех пор на маршруте ничего не изменилось... Любая серьезная авария внутри туннеля закупорит проход, а возиться в темноте с разбором завала не улы-

бается. Освещение в этих мрачных бетонных кишках давно отсутствует, так что мне придется идти на дальнем свете, а может, приближаясь к выезду еще и противотуманки потребуются включить. Я пацан не из боязливых, но удовольствия от поездок внутри горы не испытываю. При движении волей-неволей все время думаешь: что с тобой будет, если при пиковом варианте машина заглохнет в кромешной тьме трехкилометрового туннеля? Представляете себе пешее хождение в таких условиях? Одинокие гулкие шаги, тревожное эхо, странные шумы за спиной... Поседеть можно легко, ведь там все мыслимые кошмары в голову ползут!

Но и несомненный плюс такого варианта ясен – это скорость. Потратив совсем немного времени, ты выскакиваешь после «Спутника» на открытый широкий автобан, идущий вдоль моря к Красному Штурму, там и Хоста рядом.

– Давай-ка все-таки направо, туннелем всегда успею, – предложил я сам себе, закрывая дверь.

С дороги Мамайка выглядела все тем же тихим и скучным местечком.

А пять месяцев назад тут было шумно! Занявшая поселок после начала нашествия не в меру борзая дагестанская банда, в какой-то момент переругавшись, распалась на две воинственные группы, вступившие в жесткую борьбу за скатерть на поляне. Пальба в те дни стояла тут очень плотная, ожесточенная была у них битва, доходили сведения... Мы сюда даже на разведку ездили. Еще позже уже Сашка с ребятами наведывался для проверки и никого не обнаружил, даже трупов не нашел. Скорее всего, схалтурил, какие-то следы должны были остаться. Но и его понять можно, оно общине надо, когда своих забот хватает?

Выше по склону, по другую сторону дороги, располагается район Грузинская Мамайка, а это значит, исторически там некогда жили грузины. В новейшее время все перемешалось, лично я не знаю ни одного района компактного проживания грузинской диаспоры.

В общем, никаких конкурентных преимуществ у постапокалиптической Мамайки перед другими частями города не существует. Но сейчас по району, скорее всего, кто-то болтается – внизу, среди черепичных крыш, в серое небо поднимается узкий дымный шлейф, черный, тревожный. Это не дом горит, не усадьба...

Вот чего я туда прусь, а? Привычка такая, спокойней, когда понимаешь обстановку. Свернув направо возле жилого комплекса «Ямайка», я на малой скорости начал спускаться по узкой улочке, внимательно всматриваясь в поросшие вьюном высокие ограды хозяйств и малопривлекательные силуэты почти одинаковых домов поселка. Дымный столб приближался. Мотор работал тихо, окна были приоткрыты. Пару раз остановившись, я попытался засечь посторонние шумы – вроде бы все ровно.

Безлюдно, бесперспективно, даже противно.

Причина пожара стала ясна, когда «Дискавери» поравнялся с высоким зданием старого, еще советской постройки, санатория «Фазотрон». Мало таких зданий осталось, сносили их помаленьку, это проще, чем пытаться перестроить тесные номера под современные стандарты отдыха. Недалеко от перекрестка прямо посреди улицы, лежа на боку возле непривычно высокого бордюра, горел большой тяжелый мотоцикл. Не китайский, игрушка-скутер, а дорогая престижная машина. Владельца не было видно, ни живого, ни мертвого. Ха, а мотик кто-то полил бензином и поджег, оттого он и чадит так черно да удушливо... Ясно, похоже, разборки тут еще не закончились.

Прибыв в Мамайку, я рассчитывал спуститься к морю и осмотреть удаленный отельчик «Санта-Барбара», стоящий почти на одноименном пляже, неподалеку от устья горной речушки Псахе, слева, если смотреть по течению. У тамошней общины была, помнится, очень неплохая стационарная радиостанция. Раз и они не отвечают на вызов, то почему бы мне не пожить на бесхозном объекте, чего ценному оборудованию простаивать зря? Оно работать должно, пользу людям приносить.

Я уже начал объезжать чадающую «Ямаху» слева, как вдруг услышал вдалеке хлопок выстрела из гладкоствольного оружия. И почти сразу еще пару. Стреляли внизу, где-то в районе мини-отеля «Форсаж», известного многим путешествующим на юг автомобилистам. Хлоп, хлоп! А это уже в другой стороне, там, куда я и собирался поехать! Нога автоматически вжала тормоз, укорот сам собой оказался на коленях. Похоже, пора передумать насчет шмона «Санта-Барбары», это плохая идея! В конце концов, что мы, нигде больше раций не насобираем? Ерунда. Доценко подкинул на первое время для ближнего радиуса, а если наши на месте, то уже могли найти и чего-нибудь более подходящее.

Возвращаться надо. Больше меня в Мамайке ничего не интересовало. Шикарный санаторий «Октябрьский», конечно, заведение богатое, но богатое в прежнем представлении. Нужного для выживания в новом мире там не найти, а все съестные припасы давно вывезены сталкерами соседствующих групп. Обслуживающий персонал после Катастрофы в «Октябрьском» не задержался, никто не захотел поселиться на большой ухоженной территории. Кстати, этот санаторий был славен еще и тем, что здесь находился настоящий зоопарк, самый большой в Сочи, и любой желающий за умеренную плату мог его посетить. Я и сам как-то приехал сюда поглазеть, немало удивившись обилию зверей в вольерах. Кого там только не было! Особенно восхитили меня кошачьи – от тигра до манула. Появились даже щенки горного леопарда.

Когда работники мини-зоопарка осознали, что без помощи исчезнувшего государства во времена, когда надо заботиться прежде всего о выживании людей, спасти зверей нереально, то они – уж не знаю, с сомнениями или нет – выпустили их на волю. Мне непросто оценить такое решение. В вольерах зверье точно было обречено на мучительную смерть, как помер бы в заточении и мой незадачливый собачий напарник Боксер... Наверняка кое-кто из выпущенных животных, обретя свободу, приспособился и выжил, забыв поблагодарить надзирателей зоны. С другой стороны, для уцелевших в межпланетном замесе горожан открылась сомнительных прелестей перспектива угодить под молниеносную атаку блуждающего по окрестностям Сочи голодного тигра.

Пожалуй, еще год назад я бы возмутился. Теперь же... Нет даже досады. Правильно они сделали, скорее всего, нужно было дать живым существам шанс на выживание. У нас он есть, так пусть будет и у них. А там сама жизнь отсортирует.

Черт, а это не от зверей кто-то отбивается огнем из ружей?

Нет, не полезу в чужой замес, не та у меня кондиция, не те задачи...

Сдав задним ходом метров десять, я, увидев удобное место, круто развернулся на пятачке и повел джип наверх, напоследок услышав за спиной еще несколько редких выстрелов. Молодцы, без меня давайте! Друг с другом или с тиграми... Разбирайтесь самостоятельно, резкие да горячие, больше я в одиночку в омут ни ногой, мне вполне хватило жути в той Пизанской башне. О! Точно! Впредь надо будет загодя обходить большой дугой все, что понастроили в округе железнодорожники. Кроме рельсов, их не обойдешь.

...Эта большая кошка сидела возле автобусной остановки на пересечении улиц Виноградной и Анапской. Или кошак, сразу ведь не разобрать. Нет, это был далеко не миленький домашний пушистик... На широкой скамье удобно устроился большой красивый хищник необычной стати с характерной формы ушами – выставленными в мою сторону лопушками-треугольниками.

– Е-мое, Мурзик! Мурзище! Ух, ты ж черт какой!.. – пробормотал я в восхищении, плавно притормаживая. Нельзя было не остановиться, увидев такую прелесть.

Дикая тварь абсолютно неподвижно, словно детская копилка, по-хозяйски спокойно смотрела на остановившийся в пятнадцати метрах от нее большой белый джип, не подумав убежать прочь. Еще бы, такому бойцу можно особо не волноваться! От собачьей стаи он легко и просто уйдет верхами, а в одиночку с ним не справиться, пожалуй, никакой собаке. Разве что волк, с его природными рефлексам, справится. Любой кот – практически идеальный хищник,

от усов до кончиков хвоста созданный самой природой для убийства. Все дело исключительно в размере. Одно дело – домашний пушистик, который гоняется за фантиками и балуется с насекомым, и совсем другое – крадущийся тигр, который, между прочим, анатомически тоже является самым настоящим котом, только размерчик у него несколько крупнее.

Наконец, зверь плавно встал, широко зевнул, показывая мне длиннющие белые клыки, и потянулся, изящно припадая на передние лапы. Очень красивый. Необычно высокие конечности, созданные для рекордных прыжков, стройное тело и довольно короткий хвост.

Но уши-то, какие уши! Длинные, чуть-чуть закругленные, с наружной стороны черные с желтым поперечным пятном. Относительно размеров тела и головы – просто гротескные! По строению тела этого кошачьего вполне можно отнести к близкому родственнику рыси и каракала. Окраской диковинный котятка похож на гепарда – темные пятна и полосы на желтовато-сером фоне. Я без страха, не торопясь и с искренним удовольствием разглядывал опасное животное, удачно откинувшееся от железнодорожного Хозяина. Грудь, живот и морда белые.

– Спасся, сиделец...

Тяжеленький сервал попался, крепкий.

По-другому – кустарниковая кошка, представитель семейства кошачьих средних размеров, коренной житель открытых африканских пространств, покрытых густыми зарослями травы и кустарниками, поэтому к названию иногда добавляют слово «африканский». Это именно он, точно знаю, я ведь с детства болен кошачьими, и в знаменитом зеленом шеститомнике «Жизнь животных» страницы мелованной бумаги затер до дыр именно в разделе о кошачьих. Да и свой справочник периодически почитываю, жизнь заставляя. Крупный экземпляр мне встретился, на вид пацанчик весит килограммов пятнадцать, а высота в холке больше полуметра, то есть передо мной далеко не малыш.

Каждый сервал – обладатель уникального, только ему присущего узора на шерсти. Еще одна особенность окраса этих кошек – светлые полосы на задней стороне ушей. А похожие на глаза белые пятна, выступающие над поверхностью травы в саванне, помогают неопытным малышам, вышедшим на охоту вместе с матерью, не потерять ее из виду. Однако столь необычной особенности окраса я пока не видел, ибо зверь стоял по фронту.

Открыв окно пошире, я высунул голову, не вызвав этим движением у зверя ни малейшего признака беспокойства или агрессии. Мирно он себя вел, дружелюбно. Ну а чего, меня всегда пушистики любили, охотно шли на контакт. Хвост неподвижен, уши не поджаты, плечи не отведены назад. Наоборот! Красавец еще раз открыл пасть и, по-моему, вполне миролюбиво мявкнул. Ладно. Распахнув дверь, я вышел из машины.

Как любой кошачник, я самоуверенно считаю, что легко могу понять поведение усаых хищников. Чувствую.

– Спокойно, брат. Ты здесь один, что ли?

Но размерчик... Кошки тебя любят, Гарик, говоришь? Ну-ну, сейчас проверим. Сервал, с интересом послушав звук человеческого голоса, долго размышлять не стал и направился в мою сторону так, как это делает обычный домашний кот, желающий, чтобы его срочно погладили и почесали за ушком. Он шел по небольшой дуге, чуть выгибая спину и наклоняя вытянутую голову в разные стороны, словно заранее начиная ловить кайф.

Так, этот парень обладает весьма внушительными яйцами. Мужичок.

– Кис-кис-кис... – хрипло и тихо проговорил я, но он отлично расслышал и тут же откликнулся нормальным таким кошачьим мявом. Разве что побасистей, гораздо громче и с очень противными нотками в голосе. Так орут, например, шотландские вислоухие, когда их не ко времени берешь на руки, чтобы потискать.

Худоват? Или поджарый?

– Выглядишь хреново, как лежалый сервелат, – сообщил я животному.

– М-м-мяв-уу! – согласно протянул зверь.

Душа подсказывала, что все будет хорошо, но разум настоял на своем – я дослал патрон в патронник, хотя пистолет держал стволом вниз.

– Ты потише, пацан, давай, – предупредил я, когда сервал был уже совсем рядом. – Не дури у меня.

Подшагнув вплотную, зверь тяжело ткнул собеседника башкой в колено, потерся, заставляя меня переступить в поисках более удобной точки опоры, и заурчал, словно изношенный дизель. Мне не оставалось ничего другого, кроме как, чуть наклонившись, почесать левой рукой у него за ушами – сервалу это дело очень понравилось! Фу ты... Следующие пять минут мы были заняты исключительно этим важным занятием. Ну, елки хвойные, домашний кот, да и только!

На свободе зверь выглядел гораздо лучше, нежели в заточении. Отличная кондиция. Шерсть чистая, блестящая, без катышков, приставших травинки и резкого запаха. Постоянное движение в поисках добычи, охотничьи эмоции, натуральная сбалансированная еда с шерстью, перьями и ценными костями – все это обеспечивало дикой кошке здоровый вид и ровную психику.

Интересно, а можно его приручить, как гепарда? Настолько глубоко я в кошачьих не разбираюсь, тут надо бы в справочник заглянуть. А он в багажнике лежит. Про кошачьих там много написано, но есть ли именно сервалы? Эх, как легко и просто обстояли дела с оперативным получением любой информации в славные времена повального Интернета! Нужно узнать что-то – спрашивай. Стоит, не выходя из того же Фейсбука, кинуть клич-вопрос, и добрые френды тебе тут же накидают кучу ссылок на экспертов, сообщества и клубы, где уже люди, не просто добрые, но и знающие, помогут и предметно подскажут.

Мой новый знакомец не переставал урчать, мяукать и тереться о колени. Проголодался, поди, ведь даже таким природным добытчикам приходится тратить много сил на поиск годной добычи, а впрок не наешься.

– Что, Сервелат, говоришь, пора пообедать? Давай, я кое-что достану из закровов. – Осторожно отстранившись, я шагнул к задней двери, не забывая держать сервала в поле зрения. Как бы ни любил я кошек, но после предательского броска канне-корсо предусмотрительности в голове резко прибавилось.

Но тут зверь, вместо того чтобы пойти за мной, неожиданно напрягся, как струна, и замер в сторожкой позиции, быстро развернувшись в сторону Грузинской Мамайки. Теперь я смог разглядеть замечательные полоски светлых фальш-глазок.

– Ты чего, Сева?

Локаторы работали. Одно ухо стояло неподвижно, торчком, а второе медленно поворачивалось из стороны в сторону, пеленгуя невидимую и неслышимую мной цель очень точно. Сервал вздрогнул и чуть подался вперед, а я услышал где-то вдали еле различимый звук. Человеческое ухо не может сравниться по восприимчивости с органами чувств дикого хищника, и нам очень тяжело классифицировать услышанное на малой громкости. Высокие частоты гаснут в застройке и зарослях, а низких не хватает. Вроде бы что-то там упало... Котяра быстро оглянулся, раззявил рот уже беззвучно, что-то поясняя мне, остолопу, ничего перед собой не видящему, и опять уставился, вполне определенно указывая направление на возможные неприятности.

Да, такого напарника хорошо иметь рядом! И засечет врага вовремя, и порвать его может, причем на любом высотном уровне. От этого охотника черному не спастись даже на крыше.

– Врагов увидел, нет? – Взяв с сиденья бинокль и автомат, я тоже принялся осматривать второй за дорогой ряд крыш с красной черепицей.

Наконец зверь расслабился и с интересом посмотрел на меня. Охотно поверю, кореш, охотно! Пора угощать. Большой пакет с сухим кормом для собак и пара банок так и остались лежать в машине. Сначала я хотел насыпать корм в ведро, но понял, что котяра его сразу опро-

кинет. Прямо на асфальт вальнуть? Не по-дружески как-то свинячить, да и неуважительно. Вывалив сухой корм на расстеленную газету, я быстро вскрыл обе оставшиеся банки с собачьим кормом и добавил в еду жидкого.

– Угощайся, брат, мы с тобой одной крови.

Пока один из настоящих хозяев Мамайки по-кошачьи неспешно подкреплялся, я достал справочник, нашел нужный раздел и принялся читать.

Оказывается, интуиция меня не обманула! Ценители природной кошачьей грации и темперамента давно пробовали содержать сервалов в домашних условиях, с таким зверем вполне можно справиться, его реально прокормить, что немаловажно. Это выгодно отличает сервалов от крупных хищников, которыми предпочтительно восхищаться издалека. Оказалось, что африканец – одна из немногих кошек, обитающих в дикой природе, которую можно без труда приручить, их успешно содержали в качестве домашних животных. Хозяева уверяли, что звери очень умны, сообразительны, дружелюбны, активны, игривы – идеальные домашние питомцы. Но завести такую пятнистую красавицу мог себе позволить только очень состоятельный человек, это одна из самых дорогих кошек в мире, и цена котенка достигала двенадцати тысяч баксов. Прирученные, они становятся очень игривыми и ласковыми, но любят и посмотреть на всех свысока, проводить время, сидя на шкафу.

Ну-ну, что-то такое я уже слышал про взбесившуюся собаку...

– «В самом начале кормить лучше с ладони, так он запомнит, что хозяин – это источник пищи и безопасности... Сервала нельзя бить и кричать на него. Кормить домашнего сервала можно мясом с костями, до полутора килограммов в день. Следует обогатить рацион витаминами и кальциевыми добавками...» – прочитал я вслух. – Витамины все любят, ничего удивительного. Ладно, добудем тебе и витаминов. Эй, так ты что, все уже сожрал? Молоток! Сейчас подсыплю.

Сервалы ведут одиночный образ жизни и предпочитают охотиться в сумерках. Ловят зайцев, грызунов, птиц, ящериц. Умеют плавать, лазить по деревьям, имеют отличный слух, в чем я уже убедился. Это свойство помогает хищнику успешно выслеживать даже самую мелкую добычу, а длинные конечности облегчают продвижение в высокой траве. Может с места подпрыгивать вертикально до трех метров в высоту, таким способом сбивая взлетающих с земли птиц! Ого!

– Да ты, Сева, акробат...

Пик его охотничьей активности приходится на вечер и начало ночи, но вполне может охотиться и днем. Сервал предпочитает не гоняться за добычей сломя голову, как собаки, а охотиться скрадыванием: подбираясь к жертве, он делает один точный убийственный прыжок и ловит жертву острыми когтями передних лап, сразу подминая ее под себя. На крупную добычу, подобно леопарду, вспрыгивает. Легко выкапывает грызунов из нор, ловко лазает по деревьям. Может охотиться в мелкой воде за лягушками, болотными птицами и рыбой. Это очень добычливый хищник, между прочим, около шестидесяти процентов нападений заканчиваются удачно.

– Теперь ясно, почему ты не оплошал, братан. А где же твои старшие кореша шастают, тигры и леопарды? Отстрелила их, поди, шпана местная. Или побережешься ушли?

Вместо ответа насытившийся кот легко меня отстранил, на миг примерился и, легко перемахнув через рулевое колесо, опустился на пассажирское сиденье рядом. Там, встав на задние лапы, заглянул через подголовник, втянул воздух, быстро осмотрелся и, свесив длинный хвост, ловко сложился огромным пушистым калачом. Во, дает!

– Понял тебя. Тогда катим дальше.

Дисциплинированно накинув перед началом движения ремень безопасности, я посмотрел на вытянутую в мою сторону пушистую лапу с растопыренными от удовольствия пальцами, на которых белели натуральные сабли.

– Мы, конечно, одной крови, усатый, но знаешь, что я еще прочитал в книжке?

Кот, смешно вывернув голову, посмотрел на меня с любопытством.

– У тебя мясо вкусное. И поэтому африканские негры на тебя охотились, натурально истребляли. Ты деликатес. И я тоже могу проголодаться.

Словно понимая, кот широко открыл глаза и тихонько пискнул.

– Ты меня понял, хорошо. Давай жить дружно, без подлянок. – И я протянул ему руку.

В ответ сервал наклонил тяжелую голову, пару секунд о чем-то подумал и с размаху опустил ее на мягкую белую ладонь. Похоже, мы договорились.

А поехал я все-таки по дублеру.

Глава 4

Дороги Апокалипсиса

Нет, активизировавшаяся в последнее время армада НЛО – это не флот вторжения, для серьезного боя корабли пришельцев не годятся. Скорее всего, они вообще не проектировались для такой задачи. Изначально тарелки были предназначены для выполнения исследовательских функций на орбитах и в межпланетном пространстве внутри звездных систем. Максимум, на что они способны в быстром и жестком противостоянии с достаточно развитой цивилизацией наподобие земной, это рекогносцировка, высадка мелких групп и разведка сил ПДО – противодействия десантным операциям. Наша техника справляется с тарелками на раз, просто этой техники почти не осталось.

Вояки рассказывали мне, что к началу нападения в их распоряжении находились зенитно-ракетные комплексы «Бук-МЗ» в количестве пяти штук. Еще при строительстве олимпийских объектов эти передвижные системы размещали в Имеретинской долине для защиты от действий вероятного партнера. Был и зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь-С1». Три установки уже на следующий день после вторжения решением командования были передислоцированы в Ставрополье. Но и оставшиеся в Большом Сочи расчеты действовали очень эффективно. Правда, поначалу зенитчики очищали небо не столько от НЛО, сколько от корабельных крылатых ракет и чужих самолетов. Тогда кто только не летал над черноморским побережьем: турки с прибрежных авиабаз, грузины, американцы с Мерзифона...

Так мы и потратили почти весь боезапас, а на борьбу с летательными аппаратами гугонцев, которые быстро стали нашей главной проблемой, наиболее эффективных средств поражения почти не осталось. «ПЗРК» закончились в рекордно короткий срок, а новый боекомплект зенитчикам не подкинули, и усиления – тоже.

Возникли и кадровые проблемы. Если с переносной «Иглой» оператор вполне может воевать в одиночку, то для работы на таком сложном комплексе, как «Бук», требуется коллектив, и не просто группа, а слаженный ансамбль тонко чувствующих друг друга специалистов, единое целое. А генетическое оружие очень не любит коллективы, выгрызая из них людей по своему усмотрению.

Пара ударных вертолетов «Ми-24», базирующихся в аэропорту Адлера, к сожалению, весьма недолго заменяли нам палочку-выручалочку, хотя их экипажи проявили себя как настоящие герои. Одну машину краем задел огненный шар, выпущенный из НЛО, вторая вертушка обидно загорелась на земле, не успели вовремя отбуксировать технику со стоянки в ангар.

Из по-настоящему действенных средств остались автоматические пушки «БМП-2» и спаренные автоматы «ЗУ-23-2». Я не знаю, сколько всего оказалось в распоряжении военных зенитных артиллерийских установок, но все «зушки», входящие в состав объединенной группировки войск, в течение недели были поставлены на грузовые полноприводные автомобили, в основном на «Урал-4320». Пробовали монтировать их на «ЗиЛ-131», армейские «КамАЗы» и даже на старичков «ГАЗ-66», которых в Сочи использовали для дальних экскурсий. Последний вариант установки этой артсистемы был признан не самым удачным из-за небольшой массы грузовика и малых размеров кузова «ГАЗ-66», не разместить там удобно «зушку», ее ЗИП, БК и шмотки расчета. Нет, зенитки поставить в соответствии с душманской практикой можно даже в тойотовский пикап, однако точности боя гарантированно не будет. Опора грузовой платформы на один задний мост при малой массе приводила к большой амплитуде колебаний машины – не стрельба, а шаманство. На такую технику вполне можно ставить крупнокалиберные пулеметы типа «Корда» или «Утеса», знать бы только, где их раздобыть в нужном количестве... Люди, вон, старенькому «максиму» радуются, как дети конструкторам с биониклами.

А вот в кузове «КамАЗа» тяжелая артсистема встала, как родная, угол обстрела в задней полусфере составлял более ста восьмидесяти градусов.

Компоновка подобных шушпанцеров нехитрая. В передней части кузова, примерно на одну треть его длины, находится открытый сзади брезентовый тент для защиты расчета от дождя и ветра, а ближе к корме стоит собственно установка.

Эти своеобразные тачанки Апокалипсиса – не новация, вооружать грузовики различными огневыми средствами для усиления самообороны автоколонн и для автономной работы начали еще американцы во Вьетнаме. То же самое делали наши в Афганистане и вооруженные повстанцы в горячих точках планеты.

Таким образом, и без использования со стороны людей ракетной техники гугонцам приходилось несладко, безраздельно господствовать в воздухе мы им не давали, ведь боевая эффективная дальность оружия НЛО невелика, для нанесения ударов им нужно опускаться ближе к поверхности. Тут уже их и стрелковым оружием можно бить...

...Стоп...

Что-то я в последнее время часто упоминаю гугонцев, пора бы и объяснить, откуда взялось это слово. Ввел его в оборот примечательный человек Негадов Юлий Павлович, некогда президент исследовательских сообществ «Уфология-XXI» и «Космодольмен», всесторонне образованная личность, единственный наш специалист по тарелочкам, задолго до пришествия инопланетян занимавшийся феноменом НЛО и во многом предугадавший ход событий.

Уфолог уфологу, как выяснилось, рознь. Были исследователи, старавшиеся подходить к скользкому вопросу поиска на Земле инопланетян с максимально возможным научным инструментарием, однако ввиду внутренней порядочности, самокритичности и осторожности они так и не сумели предъявить жаждающей сенсации публике яркий результат. Другая же категория уфологов на самом деле являлась не исследователями возможных контактов, а обыкновенными шарлатанами-эзотериками. Эти ввали без стеснения, выдумывая на потеху читателям все, что душе угодно. Как-то раз Юлий Павлович в ходе лекции рассказал нам о богатом внутреннем мире мирового уфологического сообщества, о грызне и постоянной внутренней конкуренции в деле получения грантов, внимания СМИ и потрошения кошельков наиболее денежной части слушателей, емко и образно характеризуя при этом самых заметных шарлатанов. Я слушал внимательно, с интересом, но так и не смог понять – реальные дебилы выдумывали наиболее бредовые теории или это был такой веселый стеб людей, умеющих ловко облапошить весь мир.

Ну, все, наверное, слышали о гигантской планете Нибиру, что все летит и летит в нашу Вселенную то ли по крайне вытянутой эллиптической орбите, то ли вообще со стороны сумеречных миров и которая, зараза, разрушительно меняет тонкую структуру вакуума нашего пространства. Согласно точным шарлатанским данным, планета Нибиру непременно должна была полностью уничтожить весь наш мир. Сроки начала апокалипсиса в зловещих предсказаниях плавали от одного года до четырехсот лет.

Так вот, на самом деле никакой такой Нибиру не существует.

Имя это не настоящее, а есть гигантская планета Янтарный Гугон, находящаяся в параллельной вселенной. Масса планеты в два раза превышает земную, и у нее нет собственной солнечной системы. Поэтому Янтарный Гугон свободно болтается в открытом космосе. Однако это далеко не безжизненный каменный кусище! На некотором расстоянии от планеты расположены неведомо откуда взявшиеся сверхплотные сгустки плазмы, которые – вот ведь удача! – благодаря происходящим в центре сгустков термоядерным реакциям постоянно излучают свет и тепло. Так что классическое планетарное светило Гугону не требуется.

Климат Янтарного Гугона очень суров: плотная облачность с большим содержанием пылевой взвеси поглощает избыток лучистой энергии, на поверхности планеты нет смены дня и ночи. Постоянный негаснущий свет озаряет гугонские равнины, горы и огромной высоты вулканы, выбрасывающие в атмосферу тысячи тонн пепла. Соответственно, столь мрачный мир

вечного сумрака породил целый зверинец ужасных созданий. Космонавту-исследователю придется выдержать испытание встречей с гигантскими слизнями, парализующими жертву электрическим разрядом, а потом заживо растворяющими ее ферментами, с плотоядными растениями и грибами-паразитами. В общем, много чего жуткого там ползает и колыхается.

Теперь о главном.

На самодвижущемся Янтарном Гугоне некогда обитала могучая цивилизация хороших, приятных в общении гуманистов-гугонцев, создавшая гигантские силовые установки, способные направить планету к намеченной цели. Словно мощнейший подвесной мотор, установленный на транце катера.

И все бы шло своим чередом, если бы Янтарный Гугон не захватила очень плохая раса энергетических существ, умеющих с помощью некоего излучения обращать любое живое существо в себе подобных чудовищ. Захватив Гугон, они проникли в залы управления подвесниками, запустили планетарные двигатели и направили планету к червоточине (елки, без червоточин у нас никак, других ярких идей передвижения в межзвездном пространстве нет), ведущей в нашу Вселенную, и полетели в наш мир. Путешествие должно занять около восьмисот лет.

Дальше начинаются вариации.

Те энергичные лекторы, которым изложенного уже хватило, терпеливо ждали нашествия хоть кого-нибудь, хоть самого завалящего инопланетянина! Однако были фантазеры, буйные по-настоящему, введившие в сюжет еще одну расу – рептилоидов-спасителей, которые непременно должны победить и наказать захватчиков Янтарного Гугона! Однако возникла серьезная проблема: самостоятельно справиться с «энергетиками» эти спасители не могут, душка у них не хватает для настоящей драки. Поэтому рептилоиды, среди которых вполне могли быть и чудом выжившие гугонцы, повадились похищать человеческих младенцев на Земле, чтобы выращивать из них космических десантников. Именно этим и объяснялось постоянное и почти незаметное присутствие сволочных рептилоидов на родной нашей планете – благородной борьбой с энергетическими захватчиками руками обреченных на кровавую битву землян-смертников.

А самое же увлекательное в этом бреде было то, что базой разведки сил вторжения или, во втором варианте, местом дислокации лагерей подготовки земных бойцов-космодесантников была выбрана Луна – вот тут слушателям стало действительно интересно!

– Ответь мне, умный человек, а нет ли каких-нибудь других пришельцев, – живо поинтересовалась у докладчика бабушка Сирануш, реальная царица армянской группировки в нашей общине. – Уж больно название неблагозвучное.

Негадов пожал печами, немного подумал и сообщил залу, что столь ярких и приметных инопланетных рас не припомнит, слишком уж общие предположения выдавали уфологи. Старушка махнула рукой, соглашаясь с предложенным, таким образом термин и обрел популярность. Рептилоиды и энергетика как-то не впечатляли... Другое дело – гугонцы!

Вскоре термин уточнился, и теперь мы так и называем инопланетян – Черные гугонцы. Ни Янтарный Гугон, ни Нибиру так и не появились на небосклоне, а вот чужая база на Луне, судя по всему, оказалась страшной реальностью.

И это уже совсем не прикольно.

* * *

Джип на средней скорости въехал в черное жерло первого парного туннеля по законной левой полосе и словно провалился в пасть чудовища. Въезд в Мамайский туннель – по-своему красивое бетонное сооружение с горизонтальными декоративными полосами и крылатыми

арками, больше напоминающее современный железнодорожный вокзал, чем начало банальной, в общем-то, автодороги внутри горы.

В нормальном рабочем состоянии любой современный стратегический туннель всегда ярко освещен: при любых условиях путь вам укажут цепочки огоньков на потолке; горят, а порой и мигают стрелками нижние подсветки, особые стрелки и прочие знаки; мерцают габариты проезжающих машин. Очень серьезная постройка, сооружение рассчитано на девятибалльную сейсмонагрузку. В туннелях были установлены элементы автоматизированной системы управления дорожным движением, табло и знаки переменной информации, система видеонаблюдения, скоростного контроля и даже автоматические дорожные метеостанции. Работали системы пожаротушения, водоснабжения, электроснабжения и вентиляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.